Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе,

Б. Д. Бруцкуса.

I. Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства.

Историю развития социалистических учений обычно делят на два периода—утопического и научного социализма. Это подразделение следует признать несколько резким: можно указать на ученые элементы в т. наз. утопическом социализме и ненаучные—в т. наз. научном социализме. Но в основе это подразделение все же правильно. Грань между обоими периодами положена трудами величайшего политического деятеля и мыслителя социализма—Карла Маркса. Маркс попытался понять социально-экономические процессы, исходя из идеи эволюции, и этот принцип оказался в общественных науках столь же плодотворным, как и во всех других областях знания. Во второй половине истекшего века марксизм завоевал безусловную гегемонию в социалистическом движении; и в настоящее время именно он является доктриной революционного пролетариата. Марксизм положен в основу программы и русской коммунистической партии.

Утопические социалисты представляли себе, что социалистический строй возникнет в результате инициативы, уверовавших в его блага, небольших общественных групп, которые своей вдохновенной деятельностью увлекут все остальное общество. В противоположность такому пониманию эволюции общественных явлений, Маркс утверждал, что социально-экономические явления развиваются стихийно. Но объективное исследование эволюции капитализма, по мнению Маркса, приводит к тому непреложному выводу, что этот строй неотвратимо стремится к собственной гибели, что в недрах его развиваются элементы нового строя—социалистического. Очередной задачей своей эпохи Маркс считал не создание небольших общественных ячеек на социалистических основах, а прояснение сознания и организацию пролетариата, как класса, призванного в определенный момент со-

циально-экономической эволюции,—в момент конечного кризиса капитализма,—взять в свои руки перестройку всего общества в целом на социалистических основах.

В связи с этим менялось и самое содержание социалистических учений. В то время, как утопические социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание, главным образом, на критическом исследовании современной системы народного хозяйства и на выяснении ее эволюции. Последняя уже предрешала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занимался.

Последователи Маркса точно также не уделяли последней задаче своего внимания. Даже такой разносторонний и исключительно плодовитый писатель, как Карл Каутский, так много сделавший для исследования социально-экономических явлений методами марксизма, в интересующем нас вопросе остался бесплодным.

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил ребром перед русскими ортодоксальными социалистами задачу конструирования социализма, как положительного учения. Но и русская социалистическая литература пока не сумела в этом направлении ничего сделать. Выдающийся теоретик большевизма, Н. Бухарин, в своей „Экономике переходного времени“ ограничился утверждением старого положения социализма, что категории капиталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категории будут регулировать производство и потребление при новом строе. Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм, как положительное учение, то она принадлежит покойному М. И. Туган-Барановскому, которого, конечно, нельзя назвать ортодоксальным марксистом. Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: *научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал.*

Между тем от разработки такой теории марксизм не имел достаточных оснований отказываться. Поставив во главу угла принцип эволюции, Маркс тем не менее не перестал быть революционером. В известном споре между К. Каутским и В. И. Лениным о том, предусматривает ли Маркс превращение капиталистического общества в социалистическое в форме медленного процесса, слагающегося из ряда частичных реформ, как полагает первый, или в форме единовременного переворота, как полагает второй, мы решительно должны стать на точку зрения В. И. Ленина. Да и сам Каутский еще не так давно, когда он писал свою брошюру: „На другой день после социальной революции“, держался той же точки зрения. Признаваемая Марксом,

диалектическая схема эволюции Гегеля с ее постепенным нарастанием количественных изменений под старыми формами, как раз постулирует революционные взрывы, которые выявляют, совершившиеся вследствие накопления количественных изменений, качественные изменения социальной материи.

Очень часто Маркс сравнивает рождение нового общества с физиологическим актом родов. Примем эту аналогию и попытаемся сделать из нее надлежащие выводы. Ребенок родится только тогда, когда все его органы во чреве матери уже сформировались; тем не менее его рождение не есть только механический акт,—он связан с глубокой трансформацией всей физиологии выброшенного на свет Божий существа. Для жизни в новой среде ребенок должен совершать совершенно новые физиологические акты дыхания и сосания; и эти акты возникают инстинктивно. Аналогичные явления должны иметь место и при рождении нового социального строя. Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жизни должны появиться новые стимулирующие двигатели. Но... общество все-таки не организм, и направляющие инстинкты в нем не действуют. Те новые акты, которые возникают в организме инстинктивно, должны быть в обществе предварительно осознаны его руководящими кругами.

Если капиталистическое общество, которое предоставляет личной инициативе своих граждан удовлетворение важнейших его нужд и ограничивает функции государства некоторым регулированием хозяйственной деятельности своих граждан, создало науку экономической политики, то во сколько же раз такая наука более необходима социалистическому обществу, в котором деятельность государства и бесконечно более ответственна, и бесконечно более многообразна, и бесконечно более сложна!..

Тот факт, что социализм, как положительное учение, остался в марксизме не разработанным, мы не можем себе объяснить только тем, что у марксистов не было смелости браться за решение такой проблемы, которая осталась неразрешенной самим Марксом. Для практической задачи, которую Маркс ставил себе в первую очередь,—для организации единого, интернационального рабочего движения—углубленная разработка теории социалистического хозяйства не была безусловно необходимой. Для того, чтобы организовать пролетариат на борьбу против капитализма, достаточно было критически выявить отрицательные стороны капитализма и противопоставить ему социализм лишь в самых общих, заманчивых контурах. Но ведь социально-экономическая эволюция после Маркса шла вперед, и вопрос о социальномъ перевороте и о творчестве нового строя с течением времени становился все более актуальным. К этому моменту надо было готовиться, и то, что марксисты в этом отношении оказались не подготовленными, не может не иметь отрицательных

последствий для социалистического движения. В настоящий момент, когда, в связи с последствиями небывалой по своей разрушительной силе мировой войны, вся экономическая жизнь передовых стран оказывается глубоко дезорганизованной, и капитализм переживает такой кризис, какого он еще никогда не переживал, отрицательные результаты подобного состояния социалистической доктрины не могли не выявиться. Вожди западного социализма совершенно неожиданно оказались призванными от перманентной оппозиции к власти. И вот, не имея разработанного плана нового общества, старые вожди западно-европейского социализма, в полном сознании тяжелой ответственности перед руководимым им рабочим классом, уже не решаются призывать их к социальной революции. У них ослабела вера в то, что социализм окажется в силах в данных трудных условиях уврачевать тяжелые недуги экономической действительности. Даже в своих реформистских проектах они не проявляют большой решительности в постоянном опасении окончательной дезорганизации и без того расстроенной экономической жизни. Наоборот, держащие в руках власть, русские социалисты будучи более строгими последователями марксистской доктрины и будучи по своей психологии более смелыми и решительными, после социального переворота вынуждены переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда, ввиду совершенно критического положения народного хозяйства, следовало бы действовать наверняка.

Принимая во внимание столь важные отрицательные последствия отсутствия разработанной теории народного хозяйства применительно к условиям социалистического строя, приходится, конечно, признать, что этот факт не есть какая-то случайность. Очевидно, должны быть глубокие причины этого замечательного явления. Они выяснятся в дальнейшем нашем изложении...

Марксизм не разработал теории социалистического хозяйства, но он определил его основные принципы, как вытекающие частью из того, что социализм должен возникнуть путем трансформации капитализма, частью из того, что они являются постулатами класса, организующего социализм,—промышленного пролетариата.

Марксистский социализм прежде всего не является социализмом мелких общин, это социализм в крупном масштабе— государственный, национальный. Он отрицает рынок и рыночные цены, как регуляторы производства, как регулятары распределения производительных сил. Этот способ регулирования капиталистического хозяйства, с точки трения марксизма, является несостоятельным; марксизм постоянно подчеркивает „анархию капиталистического производства“, неизбежно приводящую к периодическим кризисам. С точки зрения марксизма, эта анархия и есть одна из важнейших отрицательных сторон капитализма, которую социализм призван преодолеть. В сравнении

с капитализмом, социализм является высшей формой хозяйственной организованности. Социализм ведет хозяйство по единому государственному плану, построенному на основах статистики. Подобно рыночным ценам, и другие категории капиталистического хозяйства теряют при социализме свое значение; в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета не трудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме,—в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд, и только труд, обладает силою ценность образующей даже в капиталистическом обществе, — так утверждает Маркс в 1-ом томе „Капитала"; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот.

Таковы руководящие идеи марксистского социализма в деле построения нового народного хозяйства. Удастся ли нам решить задачу теоретическою конструирования социалистического хозяйства—покажет наше дальнейшее изложение, но во всяком случае соответствующая работа имеет большое значение и для более отчетливого исследования природы капиталистического хозяйства. Исследование проблем социалистического хозяйства дает нам надежду осветить с новых точек зрения проблемы капиталистического хозяйства.

II. Хозяйственный принцип и социализм.

Едва-ли какой-либо экономист решится оспорить то положение, что всякая хозяйственная деятельность, протекает ли она в рамках натурального, капиталистического или же социалистического хозяйства, должна быть подчинена принципу о соответствии между затратами и результатами. Не даром этот принцип считают конституирующим хозяйственную деятельность, отличающим ее от всякой иной деятельности человека. Надо только полагать, что принцип этот в социализме должен проявиться в своеобразных для него формах.

В натуральном хозяйстве механизм проявления хозяйственного принципа ясен. В хозяйстве трудится небольшой комплекс лиц, тесно спаянных между собой узами кровного родства и совместной жизни, они-же и потребляют все произведенные ценности; естественно, что в этих условиях устанавливается известное, субъективно определяемое, соответствие между затратами,

преимущественно-трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими-же трудящимися и их близкими. Небольшие размеры и полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия.

В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучию коих он может быть вполне равнодушен, он пользуется в изобилии материалами и орудиями, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов, пользуется естественными силами, к которым приходится устанавливать совсем не то отношение, какое устанавливается в натуральном хозяйстве. Тем не менее и здесь при несравненно более сложном хозяйственном процессе, устанавливается соответствие между затратами и результатами производства, выражаемое даже отчетливее и последовательнее, чем в натуральном хозяйстве. Все элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента оценены обществом на рынке, равно как на рынке оцениваются и все продукты производства. Эти оценки происходят в стихийном процессе, результаты коего для отдельного предпринимателя являются данными. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможности распоряжаться орудиями производства; он получает свою отставку безжалостно и безотговорочно, ибо и она дается в стихийном процессе. Он не исполнил тех заданий, которые ему, как предпринимателю, предъявлет общество, он не сумел так скомбинировать элементы производства, чтобы они оплатились в рыночной цене, произведенного с их помощью, продукта. Зато никого капиталистическое общество не осыпает так обильно своими щедротами, ни гения науки, ни гения искусства, как умелого и искусного предпринимателя, который удачно комбонируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя-бы самым обыденным потребностям общества. Благодаря этому предприниматель капиталистического общества находится постоянно в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участникам производства. Одних он заинтересовывает непосредственно в результатах производства, других он поощряет повышенным вознаграждением, третьих он дисциплинирует страхом увольнения. Так осуществляется хозяйственный принцип в расчлененном на классы и имущественные группы капиталистическом обществе.

Какими же путями хозяйственный принцип может быть осуществлен в социалистическом обществе? Социалистическое общество, в отличие от капиталистического, не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в успехе производства. Лица, возглавливающие социалистические предприятия, материально не выигрывают от их успешной работы и не проигрывают от их неуспешной работы. Не они платят за использованные в производ-

стве труд, капитал, естественные силы, и они ничего не получают за отданные обществу продукты производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом.

Не будем далее останавливаться на тех трудностях субъективного порядка, которые, в связи с этим, встречает строительство социализма, ибо исследование субъективных элементов хозяйственной деятельности есть задача самая трудная, и результаты такого исследования будут всегда вызывать споры. Мы сделаем лишь объективный вывод, который из сказанного становится очевидным: *хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом.* Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем не вести никакого счетоводства. Тем хуже для него,—он будет работать в слепую. Но перед народным хозяйством его ответственность этим нисколько не ослабляется, ибо все ему дается обществом по оценке, и все у него принимается обществом по оценке. „И не уйдет он от суда мирского...“ За растрату производительных сил он ответит своим достоянием и своим общественным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащих учета и расчета, то он может лично жить совершенно спокойно, как бы руководимое им предприятие вследствие нерациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощающим, и из того, что болезнь не обнаружена, от этого она не становится менее опасной; ведь и на теле опаснее всего рана, которая не болит. Итак, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Именно, такое явление атрофии хозяйственного расчета мы наблюдали в России, параллельно со стремительным разрастанием социалистического хозяйства за счет частного, параллельно отмиранию рынка и денежной системы. Уже в упомянутом труде Н. Бухарина: „Экономика переходного времени“, на примере железнодорожного хозяйства убедительно доказывается, что ценностный учет, проводимый старыми методами, потерял всякий смысл. Однако, это обстоятельство, повидимому, не вызвало никакой тревоги в душе теоретика социализма. Н. Бухарин сознает необходимость какой-то другой системы учета, но не останавливается на выяснении ее принципов. А между тем именно в этом заключается самое больное место нашего социалистического хозяйства. Мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вагона, перевозка угля. Такое положение неминуемо должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней и привело.

Государство, лишенное прежнего ценностного учета, не могло, конечно, отказаться от контроля за своими предприятиями. Но ему представлялась возможность контролировать лишь отдельные элементы производства. И в этом отношении оно вынуждено было пойти очень далеко, гораздо дальше, чем это делали капиталисты. Организовался мелочный контроль за формальной аккуратностью служащих, за использованием материала, машин, инвентаря. Нагромождались ревизии на ревизии, и устанавливалось уродливое несоответствие между рабочим и контролирующим аппаратом. А между тем этот контроль за элементами производства нисколько не гарантирует хозяйственной рациональности предприятия и совершенно не имеет того решающего значения, которое имел ценностный учет. К огорчению моралистов, приходится даже сказать, что честность руководителей предприятия, которую такой учет в лучшем случае может обеспечить, еще не гарантирует народного хозяйства от убытков, а бесчестность их может сочетаться с народнохозяйственной пользой. Все зависит от удачной или неудачной организации производства, о чем указанный контроль ничего не может сказать.

В настоящее время мы видим, как государство пришло к убеждению, что так дальше вести хозяйства нельзя. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учете отдельных предприятий государства, построенном на директивах, исходящих от рынка. Этот выход из создавшегося тяжелого положения, очевидно, лежит уже не в плоскости социалистического хозяйства, как таковое понимается в марксизме. Нас интересует разрешение проблемы хозяйственного учета, именно, в пределах марксистского социализма?

Н. Бухарин, констатировав атрофию старых форм учета, полагает, что они должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А. В. Чаянов[1]). Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий социалистического хозяйства. Применяя свой метод к сельскохозяйственным предприятиям, он приходит к расчетам такого типа: на 1000 единиц зерновых продуктов использовано 30 ед. труда, 90,0 ед. продовольствия, 8,6 ед. земли, 0,0 ед. тяги, 25,0 ед. построек, 0,4 един. инвентаря, 1,0 ед. материалов, 0,03 топлива. Для того, чтобы получить ту достаточно сложную формулу, А. В. Чаянову пришлось искать общую единицу для всех продуктов продовольствия, общую единицу для всех построек, общую единицу для инвентаря от бороны до паровой молотилки, общую единицу для всех материалов от смазочного масла до веревки. Нечего говорить, что все эти единицы совершенно условны, если не сказать про-

[1]) Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. Труды Высшего Семинария с.-х. экономии и политики при Петровской С.-Х. Академии. В. 2. М. 1921 г.

извольны. Если же они имеют какое-нибудь реальное значение, то лишь постольку, поскольку они произведены путем какого-то общего принципа оценки, которого автору не удалось формулировать. Далее, если глава совхозов получит результаты лишь в указанной форме, то ему с этими сводками нечего будет делать. Если же все единицы построек, продовольствия, земли, инвентаря свести к одной единице, то таковую следует, наконец, назвать.

Неудивительно, что опыт А. В. Чаянова не имел успеха. С. Струмилин и Е. Варга, которые на страницах „Экономич. Жизни" подходили к проблеме учета, оба отвергли метод А. В. Чаянова, и оба пришли к заключению, что подобно тому, как капиталистическое хозяйство имеет в рубле единицу для измерения всех ценностей, вращающихся в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицей ценностного учета. С этим нельзя не согласиться: *без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально экономическом строе невозможно.* И в полном согласии с принципами марксизма Е. Варга и С. Струмилин признали, что труд должен явиться мерилом ценности. Если и в капиталистическом обществе, по Марксу, труд является, хотя и в скрытой форме, основой общественной оценки хозяйственных благ, основой их меновой ценности, то в социалистическом обществе труд должен быть сознательно положен, как мерило ценности.

Посмотрим же, что может дать социалистическому хозяйству трудовой учет ценности продуктов. Вопрос этот представляет громадный теоретический интерес, ибо он стоит в теснейшей связи с теоретическим значением основных в марксизме концепций экономической действительности.

III. Проблема трудового учета в социалистическом хозяйстве.

Попытаемся себе представить учет трудовой стоимости продуктов.

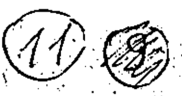
Мерилом количества труда является в нашем социалистическом обществе время. Однако, и в социалистическом обществе невозможно отвлечься от такого основного свойства труда, как его производительность. Нельзя же измерять труд по количеству времени, которое рабочий провел на заводе, в мастерской или хотя бы даже за станком! Даже наше социалистическое государство, глубоко проникнутое эгалитарными настроениями, вынуждено было от этого отступить, вводя премиальную оплату труда. Таким образом, учетной единицей становится не просто рабочее время, напр. рабочий день, а рабочий день определенной производительности, условно признанной в качестве нор-

мальной. Эта производственность выразится в определенном количестве выделанных продуктов,—распиленных бревен, обструганных досок, выточенных подшипников, и т. д. Так как даже в отдельном предприятии, производящем определенные продукты, применяется труд различных специалистов, и каждый из них может производить различные работы, то придется, конечно весьма условно, приравнять между собою нормальные рабочие дни для всех много-различных форм труда.

Но в пределах каждого данного производства применяется и труд разной квалификации,—низшей и высшей. Наряду с трудом, не требующим большой выучки и имеющимся у общества в изобилии, приходится пользоваться трудом, требующим долговременной выучки, а иногда даже и некоторого дарования или хотя бы естественного предрасположения. Неужели этот труд высшей квалификации, которым общество располагает в самом ограниченном количестве, и которым оно не может не дорожить, мы засчитаем в расходы день за день—по такой-же норме, как труд не квалифицированный?! Как-бы сильны ни были наши эгалитарные тенденции в оплате труда, при учете труда мы так поступать не можем. У Маркса мы также найдем указание, что единица времени такого труда высшей квалификации надо приравнять к единице времени труда низшей квалификации, умноженной на известный коэффициент. Но как определить эти коэффициенты? Напрасно мы стали-бы искать способа определения этих коэффициентов у Маркса. Обычно для этого предлагают сравнить стоимость воспитания простого и квалифицированного рабочего. Нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Если же высшая квалификация обусловлена природными дарованиями, хотя бы и не какого-либо исключительного свойства, то указанный метод и совсем не применим. Очевидно, что коэффициенты наши будут весьма условны, если не произвольны.

Так как каждое производство пользуется материалами и орудиями, полученными извне, то очевидно, что ни одно производство не может быть учтено, если одновременно не будет произведен учет трудовых затрат на всем протяжении народного хозяйства, если не будет сделано приведение к единице труда всевозможной формы и квалификации. Мы видим, что тот учет трудовой стоимости, который многим представляется чем-то чрезвычайно простым и очень об'ективным, в действительности является очень сложным и совсем не таким объективным. Хотя он, судя по газетным сообщениям, уже сделан обязательным, мы сомневаемся, чтобы его удалось провести, настолько он темен и неясен. И невольно у нас всплывает вопрос, каким образом, согласно исходному положению марксизма, формулированному на первых же страницах I-го тома „Капитала“, удается потребителям, которые ничего не знают и ничего не хотят знать об условиях производства продукта, удается оценивать товары в соответствии с количеством затраченного на них труда, когда для

нас, желающих проникнуть в самый процесс производства, это измерение количества труда вырисовывается так расплывчато, так условно?

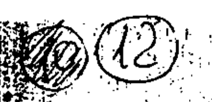
Но оставим эти сомнения. Предположим, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства, в бесчисленных его предприятиях, так или иначе осуществлен. Даст ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка?

Учет трудовых затрат в данном предприятии составит нечто вроде дебета капиталистического счета. Что-же составит его кредит? Если мы буоем следовать Марксу, то результаты производства определяются трудовой ценностью, которую имеют произведенные продукты не в условиях данного производства, а с точки зрения условий, которые, вообще, следует признать нормальными; ценность продуктов определяется общественно-необходимым временем для их производства. Но спрашивается, как нам найти это общественно-необходимое время производства продукта? Здесь мы опять-таки от Маркса не получим определенных указаний. Мы думаем, что здесь была бы неуместна какая-либо отвлеченная конструкция нормального производства. Нам придется признать общественно необходимой ту стоимость производства, которая является средней из стоимости производства отдельных предприятий, и из полученных таким образом, вычисленных стоимостей взять среднюю арифметическую или, что еще лучше, взять среднюю стоимость в соотношении с учетом размера производства.

Если мы так попытаемся подойти к решению занимающего нас вопроса (а этот путь нам представляется наиболее согласованным с учением Маркса), то, поскольку народное хозяйство обслуживается одним предприятием, наш трудовой учет нам все таки ничего не может дать. Он также мало плодотворен при ограниченном числе предприятий, обслуживающих народное хозяйство. Но предположим, что таких предприятий много. Что-же в таком случае нам даст этот учет?

В этом случае наши предприятия разделятся на две группы. Из них одна группа покажет превышение кредита над дебетом, другая группа покажет превышение дебета над кредитом. Казалось бы, что в этом случае, при наличности большого числа предприятий, мы, наконец, получим ценные указания на то, какие именно из наших преприятий ведутся рационально, и какие—нерационально.

Однако, эти указания могли бы претендовать на объективное значение лишь в тех случаях, которые не часто имеют место,—в случаях, когда все предприятия построены по более или менее сходному плану, т. е. с более или менее схожей комбинацией труда различной формы и различной квалификации. Только в этом случае условности приведения к единице труда различной формы и различной квалификации не подрывали-бы значения нашего

учета. Но эти случаи и редки да и не представляются особенно поучительными. Больший интерес представляют те более многочисленные случаи, когда имеются существенные различия в организации производства того же самого продукта, и *когда*, следовательно, *в различных предприятиях имеется своя особая комбинация труда различной формы и различной квалификации*. Но, именно, в этих случаях *условности приведения к единице труда разной формы и разной квалификации подрывают значение всего учета*. Если в одном производстве усиленно используется труд такой формы. который в обществе слабо представлен, и в котором оно остро нуждается для отправления своих наиболее существенных функций, если труд этот, в соответствии с господствующими в социалистическом обществе эгалитарными тенденциями, будет засчитан в расходы производства по оценке, лишь немногим превышающей труд низшей квалификации, который имеется у общества в избытке, если при этом трудовая стоимость производства продукта окажется низкой, то все-же было-бы весьма сомнительно, чтобы именно в этом направлении следовало в дальнейшем развивать производство. Последнее, быть может, как раз следовало бы развивать в направлении максимального использования форм труда, которыми общество располагает в изобилии, чтобы нам учет трудовых затрат ни говорил.

Но трудовой учет теряет какое-бы то ни было значение, когда отдельные предприятия поставлены в различные естественные условия, или если они в различных соотношениях используют капитал. Представим себе ряд сельско-хозяйственых предприятий, которые поставляют однородные продукты на один и тот же рынок, но которые расположены на почвах различного плодородия и для которых транспортные затраты различны. Какое значение имеет для таких хозяйств сравнение трудовых затрат с точки зрения контроля правильности их организации? Да, решительно никакого, ибо в данном случае не введено в расчет значение выгод естественных условий и положения по отношению к рынку.

Представим себе дальше, что какой-нибудь промышленный продукт, напр. пеньковые канаты производятся, с одной стороны, на хорошо оборудованных канатных фабриках и, с другой, в кустарных мастерских. Трудовой учет в нормальных условиях покажет, что фабричные канаты обходятся дешевле, чем канаты, произведенные кустарным способом. Следует ли из этого, что производство надо развивать путем расширения канатных фабрик, а не расширения кустарных мастерских? Этот вывод был бы совершенно правилен, если бы социалистическое общество обладало неограниченными возможностями в творчестве капитала. К сожалению, такими возможностями не располагает ни капиталистическое общество, ни социалистическое, хотя об этом многие готовы забыть. А из-за ограниченного количества наличного капитала конкуррируют все отрасли народного хозяйства, и выгодно-ли его направить, именно, на канатные фабрики, а не на

заводы сельско-хозяйственных орудий,—это еще подлежит рассмотрению. Таким образом, из того обстоятельства, что фабричные канаты, согласно трудовому учету, обходятся дешевле кустарных, нельзя сделать вывода, что надо расширять канатные фабрики; при сильном обеднении народного хозяйства капиталом, возможно и так, что канатные фабрики, использовав по возможности наличные машины, надо постепенно ликвидировать, а все канаты производить в кустарных мастерских. И наше разоренное социалистическое государство именно так поступало сплошь и рядом,—и поступало правильно.

Итак, *тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, имеет свое значение и при социалистическом строе* и игнорировать себя не позволяет. Правда, создатель научного социализма в I-ом томе „Капитала" пытался этот факт игнорировать и исходил из положения, что труд есть единственная основа меновой ценности. Но в III-ем томе „Капитала" он дал другую теорию меновой ценности, учитывающую участие в производстве двух других факторов, едва ли совместимую с теорией ценности I-го тома. Хотя и вторую теорию с точки зрения современной политической экономии следует признать устаревшей, но все же она стоит не в столь резком противоречии с действительностью, как теория, развитая в I-ом томе „Капитала".

IV. Трудовая стоимость и рыночная цена.

Итак, *трудовой учет не мог нам дать даже сколько-нибудь ценных указаний о сравнительной выгодности наших предприятий.* Но кроме того, мы усматриваем, что он и в лучшем случае не может нам дать тех решающих указаний, без которых регулирование общественного производства, вообще, является не осуществимым,—указаний, которые ценностный учет в капиталистическом хозяйстве дает. Капиталист в бухгалтерские книги своего конкуррента заглянуть не может, они для него—коммерческая тайна. Да, ему это и не необходимо, ибо он от народного хозяйства получает непосредственную директиву, может ли он при данной организации вести свое предприятие, или не может. Дело в том, что расчету себестоимости продукта у него противостоит цена продукта, которая родится на рынке как-то независимо от того, что делается в мастерской. У нас же себестоимости продукта противостоит величина, которая является производной от себестоимости же продукта, но не в данном предприятии, а во всех предприятиях, обслуживающих рынок, ибо, согласно учению Маркса, эта средняя себестоимость и соответствует ценности продукта. Когда анализируется стихийно сложившееся явление, то при анализе его можно легко впасть в ошибку, но последнюю

не трудно вскрыть при попытке сознательно воссоздать этот процесс.

Представим себе, что наше социалистическое хозяйство унаследовало от капиталистического все его кружевные фабрики и кружевные мастерские. Представим себе, что мы имеем дело с фабрикой, которая производит кружева с затратой труда, значительно низшей общественно необходимого рабочего времени. Следует ли поддерживать и даже, может быть, расширять эту кружевную фабрику, или нет? В обществе, члены которого не могут утолить голода, членам которого не во что одеться, нечем согреть своего угла,—такого вопроса ставить не приходится. В этом обществе кружева потеряли... потеряли „ценность". Должен извиниться перед читателем; развивая теорию марксистского социализма, я считал долгом пользоваться и его терминологией. Но на этот раз я применил „ценность" не в марксистском смысле, ибо другого слова не придумаешь.

Возьмем другой пример. Предположим, что социалистическое общество, находящееся в блокаде, унаследовало от капиталистического общества много фабрик кос. Предположим, что некоторые из них мало продуктивны, и косы в них производятся с трудовыми затратами, далеко превышающими среднюю норму. Что-же мы их закроем? И этого вопроса не приходится ставить, ибо несомненно, что при наличии таких условий мы были бы готовы воспользоваться малейшей возможностью сооружать даже и менее продуктивные фабрики кос.

Эти два примера с полной определенностью нам показывают, что существуют какие то явления ценности, которых марксизм не знает, или не желает знать; эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией общественных потребностей. Что она может изменяться независимо от трудовой стоимости,—это ясно из приведенных примеров: ничего не изменилось в хозяйстве кружевной фабрики, а кружева обесценились; ничего не изменилось в хозяйстве фабрики кос, а ценность их поднялась. Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стоящая на почве великих достижений Менгера, Джевонса, Вальраса, и подводит под термин ценность (Wert, value, valeur); то-же, что Маркс назвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости (Kosten, cost, frais de production). Оба эти понятия в современной политической экономии, в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены,—и не без пользы для науки. В основе явлений ценности лежат суб'ективные оценки, они суммируются и об'ективируются в рыночной цене, которая и выявляет напряженность социальной потребности в товаре. В процессе установления рыночной цены не только рантье, (как это готов допустить Н. Бухарин) исходит из своих потребностей, но так поступает и пролетарий. И он, придя на рынок и найдя там теплое пальто

и тончайшие брюссельские кружева, не будет интересоваться тем, много-ли труда затрачено на шитье пальто и на плетение этих тончайших кружев. Он будет считаться только со степенью настоятельности своих потребностей; если подоспела холодная осень, то он дает надлежащую цену за пальто, а за кружева он дал бы очень мало, если бы установление цен на них зависело от него. Но на рынок заглядывает еще рантье, и он уже наверно не интересуется тем, много или мало трудятся брюссельские кружевницы; за то он хорошо знает прихоти дамы его сердца, и его толстый кошелек позволяет ему удовлетворять им, и он дает цену, которой и вознаградится в большей или меньшей степени труд брюссельских кружевниц.

Вот эти-то, выражающие напряженность спроса на товары имущественно дифференцированного капиталистического общества, рыночные цены фабрикант и регистрирует при продаже своего товара и заносит в кредит счета производства. И, определив свой кредит, он уж может судить, велик его дебет, или нет. Так, капиталистическое общество в рыночных ценах дает повелительные дерективы всем организаторам производства и приказывает им регулировать сообразно этим ценам свои затраты. Вот, почему под длительным давлением этих директив устанавливается известная пропорциональность между рыночными ценами и издержками производства (но не между ценами и трудовыми затратами, ибо труд—только один из факторов производства, и, следовательно, он составляет лишь один из элементов затрат), и вот почему до тех пор, пока наука не исследовала законов суб'ективных оценок и способа их сложения и об'ектирования в рыночные цены, даже весьма проницательные умы, как Давид Рикардо, а за ним и Карл Маркс, могли приходить к ошибочному выводу, что издержки производства могут определять рыночные цены.

Впрочем, и творец теории затрат Давид Рикардо не мог ее выдержать в весьма широкой области образования цен на продукты сельского хозяйства. Относительно них Рикардо вынужден был признать, что их цена соответствует не средней стоимости, а предельной стоимости производства. Предельная же затрата в сельском хозяйстве определяется напряженностью спроса. Следовательно здесь он признал приоритет спроса в фиксации цены. Ту же теорию образования цен на сельскохозяйственные продукты признал и Карл Маркс. Современная политическая экономия признает этот последний способ определения цен продуктов, который был в теории Рикардо слишком широким исключением, чтобы не подрывать теории,—его она признала единственным.

Соотношения рыночных цен в каждый данный момент определяются только общественными потребностями. Вследствие постоянного изменения в условиях потребления, полной пропорциональности между рыночными ценами и издержками производства никогда не может быть; она мыслима лишь в фингированном ста-

ционарном государстве“ с его „нормальными“ ценами. На рынках нашей социалистической республики товары продаются, как и на всяком другом рынке, по ценам строго соответствующим потребительным нуждам общества, но зато без малейшего соответствия со стоимостью их производства, ибо последнее у нас настолько дезорганизовано, что оно не может реагировать на указания рынка. Мало того, у нас на рынках реализуется множество хозяйственных благ, не имеющих никакой стоимости производства, ибо их воспроизвести невозможно, но их цены вполне рационально выводятся из данного состояния общественных потребностей.

Откуда же наше социалистическое хозяйство получит свои директивы для организации производства, каким образом его руководители измерят степень напряженности общественных потребностей? Как мы видели, наш *трудовой учет* в лучшем случае мог бы только указать сравнительную выгодность производства продуктов в том или другом предприятии, но он *совершенно бессилен дать какие-либо абсолютные указания о том, выгодно ли, вообще, данное предприятие, или нет.* Правда, в вышеприведенном случае государство могло бы решительно заявить, что кружев ему производить не приходится. Но ведь это случай исключительный. Мы взяли государство, находящееся в исключительно тягостном положении, и выбрали предмет, удовлетворяющий исключительно изысканным потребностям. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других затратах. Где же в социалистическом хозяйстве найти мерило выгодности производства?

Вопрос этот столь же остро ставится и для внешней торговли. Что покупать на иностранном рынке: муку, фасоль, селедки, или, может быть, ботинки и медикаменты? Где тот механизм, с помощью коего наш Внешторг приходит в связь с потребителями страны? Откуда он знает, что такая-то цена на товар является приемлемой, а другая цена является неприемлемой? Эти вопросы остаются без ответа.

Марксист С. Струмилин, который попытался вникнуть в проблему учета в социалистическом хозяйстве и который, в противоположность нам, настаивает на объективном значении трудового учета, все же вынужден был признать его, в согласии с нашим мнением, совершенно недостаточным для регулирования социалистического производства [1]). Он считает необходимым ввести понятие полезности хозяйственных благ. Трудовые затраты должны распределяться в производстве в соответствии с полезностью произведенных с их помощью благ. Мы видим, таким образом, что С. Струмилин пытается воспроизвести в социали-

---

[1]) С. Струмилин. Проблема трудового учета. „Экономическая жизнь“ №№ 237, 284.

стическом обществе как раз тот механизм, который, согласно воззрениям современной политической экономии, действует в капиталистическом хозяйстве. Задача им поставлена правильно. Терминология у него при этом остается марксистской. То, что он именует ценностью, в современной политической экономии именуется стоимостью, а то, что он именует полезностью—именуется ценностью. Но это, конечно, несущественно.

Анализируя явления полезности хозяйственных благ, С. Струмилин обнаруживает в них черту, которая довольно знакома экономической науке. Оказывается, что с увеличением каждого хозяйственного блага его полезность понижается. С. Струмилин вспоминает психофизический закон Фехнера об уменьшении интенсивности реакции с повторением раздражений. Признаться, читая соответствующие рассуждения С. Струмилина, мы были удивлены, как это почтенный экономист не вспомнит про учение предельной полезности, которое и является перенесением упомянутого закона в область экономики. Или и С. Струмилин принадлежит к тем весьма обширным кругам русской интеллигенции, которые приняли „Капитал“ Маркса, как святой коран, и согласно формуле, приписываемой Омару, полагают, что, если последующая политическая экономия повторяла „Капитал“, то она не нужна, ежели-же она утверждала то, чего нет в „Капитале“, то она, наверно, не нужна.

Но как-бы странно ни звучали рассуждения С. Струмилина, как бы впервые открывающего истины, которые в политической экономии давно открыты, он верно поставил задачу регулирования социалистического хозяйства.

В противоположность нам, он уверен в том, что регулирование хозяйства вне контакта с рынком вполне возможно. Он берется априорно вычислить полезность хозяйственных благ, пользуясь известной из теории вероятности формулой Даниила Бернулли о моральном ожидании. Он упускает из виду, что формула Бернулли относится к деньгам, т. е. к абстрактному представителю всех хозяйственных благ. Но Даниилу Бернулли не могло прийти в голову, что кто-нибудь применит его формулу для вычисления падения ценности конкретных хозяйственных благ в зависимости от их количества, наприм., хлеба, молока, дров, пальто и галош. Проблема изучения законов, регулирующих их потребление, поставлена недавно и материалов по этому вопросу накоплено мало. Во всяком случае, мы знаем, что у каждого хозяйственного блага проявляется своя закономерность, что имеются хозяйственные блага с эластичным спросом и с неэластичным спросом, и следовательно, известно лишь то, что одной формулой нельзя обнять зависимости между полезностью хозяйственных благ и их количеством. А затем С. Струмилин упустил показать, как он сведет к одной единице полезность различных хозяйственных благ; здесь придется ввести коэффициенты, которые, подобно коэффициентам при сравнении квалифицированных

и неквалифицированных форм труда, останется назвать известными, именно потому, что они неизвестны.

Нас поэтому нисколько не удивляет, что наша государственная власть, которая только что, по проекту С. Струмилина, признала трудовой учет обязательным, не стала дожидаться его результатов и не воспользовалась даже формулой Бернулли для априорного вычисления полезности хозяйственных благ, а желая упорядочить государственные предприятия, предложило им ориентироваться на рынок. Правда, наш рынок организован сейчас крайне несовершенно, гораздо менее совершенно, чем при капиталистическом строе. Но все же ориентироваться на нем—лучше, чем блуждать во тьме. Правда, этим наше государственное хозяйство выходит из рамок социализма, как он понимается в марксизме.

Однако, если социалистическое хозяйство не удается наладить снизу путем рациональной организации его учета, то его налаживают сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана. Помимо руководящих центров, в возможность решения этой задачи верит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко нападает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела. Вот и А. В. Чаянов уверен, что придет время и Главки вычислят, сколько социалистическому государству нужно и пшеницы, и молока, и свинины, и сколько можно сделать затрат на производство каждого из этих продуктов, и тогда он, базируя на этих данных, будет иметь прочную почву для организации совхозов.

Нам необходимо, таким образом, рассмотреть возможность создания единого государственного плана хозяйства и его значение для регулирования социалистического хозяйства. К рассмотрению этой проблемы обратимся в следующей статье.

(Продолжение следует).

Следует иметь в виду, что фактически начала монополизации казною торговли сахаром были осуществлены уже раньше из соображений продовольственного характера, вследствие образования центрального бюро, с целью объединения закупок сахара по твердым ценам и равномерного распределения их между отдельными заводами. К монополии продовольственной организации вскоре присоединились соображения фискального характера ввиду необходимости извлечения у населения возможно больших денежных средств, отсюда необходимость отказаться от первоначального плана, согласно которому сахарная монополия не должна была увеличивать налогового бремени, ограничиваясь обращением в доход казны одной только нормальной торговой прибыли.

Монополия выражалась в том, что за казной признавалось исключительное право на продажу сахара внутри государства, как и на ввоз и вывоз его, а равно исключительное право на продажу всех продуктов свекло-сахарного и крахмально-сахарного производства. Казенное управление приобретает весь выработанный на русских заводах сахар (песок и рафинад) по ценам назначаемым министром финансов по районам производства на каждый период сахароварения, соответственно стоимости производства сахара в данном районе. При учете выработанного на заводе сахара он облагается акцизом (в 2 р. 80 к. с пуда). Приобретаемый казною песок в известной части своей сдается на рафинировку либо частным или кооперативным заводам, либо на учреждаемые казною рафинадные заводы; последние должны оказывать понижающее влияние на расценку рафинада, как важного продукта потребления масс населения.

Оптовая продажа сахара производится казенным управлением из заводов и складов, розничная—из казенных лавок кооперативов и частных торговых заведений, которым продажа поручена казной на комиссионных началах. Продажные цены сахара определяются министром финансов по районам в пределах (низшем и высшем), установленных законодательным порядком (эти пределы были определены в 37 р. 20—57 р. 20 к. за пуд сахарного песку и в 40—60 р. за пуд рафинада)...

На этом мы и закончим историю обложения населения за 1914—17 г.г. Из изложенного видно, что наиболее интересным, в смысле объема работы по увеличению финансовых рессурсов государства, а равно и по введению в наше обложение в большей степени элементов социальной справедливости, был бурный 1917 год. Многое из того, что было задумано в этом году и должно было войти в жизнь, естественно вызывало ту или иную критику. Но в общем и целом произведенная в 1917 году работа, которой история не дала возможности осуществиться, не пройдет бесследно для разрешения у нас всегда докучных, но обусловливающих самую возможность существования государств, финансовых вопросов.

Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе.

Б. Д. Бруцкуса.

V. Единый план социалистического хозяйства.

Единый план социалистического хозяйства есть центральная идея марксизма. Благодаря наличию такого плана, социализм не только обещает унаследовать высокую технику капиталистического хозяйства, он надеется дальнейшей концентрацией производства и подбором наиболее совершенных типов предприятий поднять ее на высшую ступень и установить такую гармонию между производственной организацией и общественными потребностями, которая в капиталистическом хозяйстве недостижима. Марксизм, как мы указали, говорит об „анархии капиталистического производства", и он берется ее преодолеть.

Капиталистическое хозяйство развилось в результате стихийного процесса, оно не имеет субъекта, творящего его план. Государственная власть в капиталистических странах ведет, конечно, свою экономическую политику. Но последняя, отвлекаясь от совершенно исключительных моментов, представляет собою систему частичных мер воздействия на народное хозяйство, которые не задаются целью устранить в нем решающей роль частного интереса и частной инициативы. Постольку можно говорить об анархии капиталистического производства.

Но анархия, в буквальном смысле этого слова, т. е. отсутствие власти, регулирующей определенные социальные отношения, еще не предрешает того, что эти отношения находятся в хаотическом состоянии. В действительности, капиталистическое хозяйство имеет свои, хотя и безличные, регулирующие силы, и последние действуют и весьма отчетливо, и весьма повелительно. Капиталистическое производство регулируется рыночными ценами.

Капиталистический строй есть строй свободной конкуренции, находящей свое проявление и на рынке предметов потребления, и на рынке средств производства.

В результате свободной конкуренции между собой потребителей, стремящихся к наилучшему удовлетворению своих потребностей, и в результате свободной конкуренции производи-

телей, нуждающихся в реализации на рынке определённого количества товаров, цена на отдельные потребительные блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравновешивающем спрос и предложение. Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества, как целого; ее высота устанавливается в зависимости от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов.

Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предложения подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек. Эти изменения могут исходить из спроса. Нежданно подскочили ранние холода,—покупатели выше оценивают свою потребность в теплой одежде; при количестве ее, заготовленном сообразно с обычными условиями, конкурренция потребителей гонит цену теплых вещей вверх. Случился неурожай в какой-либо в стране, поставляющей значительную часть продуктов питания на международный рынок,—цены на них растут; а так как потребность в них удовлетворяется в первую очередь, то удовлетворение менее важных потребностей откладывается, и цены на соответствующие продукты падают. Изменения в ценах могут исходить и из сферы предложения. Мы только, что указали на зависимость цен сельскохозяйственных продуктов от колебаний урожаев. Обычным в капиталистическом хозяйстве является прогресс производства, позволяющий с теми-же затратами производить большее количество продуктов. Последние могут быть реализованы на рынке лишь по пониженным ценам. Рыночные цены на предметы потребления определяют объем средств, которые могут быть привлечены для производства каждого из них.

Рядом с рынком предметов потребления существует рынок средств производства, на котором конкуррируют между собой предприниматели. При совершенной конкурренции цена на каждое из средств производства устанавливается в соответствии с его предельной производительностью, т. е. в соответствии с тем, насколько повышает его включение в данную производственную организацию продуктивность производства.

Таким образом, устанавливается известное подвижное равновесие между потребительными запросами и производственной организацией общества. Оно устанавливается, то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других размерах производства. Точка равновесия постоянно передвигается в зависимости от толчков, получаемых, то из сферы спроса, то из сферы предложения—производства. Процесс образования цен протекает стихийно, люди, участвующие в их образовании, не исходят ни из какой теории и редко пользуются какой-либо статистикой. Ни в том, ни в другом предприниматели не чувствуют особой нужды для решения своих текущих практических задач.

И, в общем, должно признать, что этот механизм действует весьма совершенно. Несмотря на отсутствие субъекта народного

хозяйства и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того рынок спешит удовлетворить даже самым изысканным потребностям, самым капризным пожеланиям потребителей.

Тем не менее, стихийный процесс приспособления производства к потреблению в капиталистическом обществе имеет свои дефекты, выражающиеся в возникновении время от времени перепроизводства товаров, — в невозможности реализовать на рынке товары по цене, покрывающей расходы производства. При общей тесной взаимной зависимости всех элементов народного хозяйства в странах развитого промышленного капитализма через кредитную организацию, кризисы, возникающие в какой-либо важной отрасли, чаще всего в производствах, изготовляющих основной капитал, в так наз. „тяжелой индустрии", имеют тенденцию превращаться в общие промышленные кризисы, эти кризисы переносятся из страны в страну и получают мировой характер. Они разоряют капиталистов и вызывают среди рабочего класса бедствия массовой безработицы.

Маркс основную причину кризисов усматривал в неправильном распределении, — в том, что положение трудящихся ухудшается и, благодаря этому, устанавливается несоответствие между быстро растущими производительными силами общества и понижающейся покупательной силой народных масс. В связи с этим Маркс ожидал, что с поступательным развитием капитализма, кризисы будут все более обостряться, пока эта „анархия капиталистического хозяйства" не приведет его к окончательному крушению.

Действительность не оправдала грозного прогноза Маркса. Кризисы не препятствуют капиталистическому производству по их миновании периодически вступать в полосы расцвета, во время коих производство подымается на высшую ступень против той, которой оно достигло накануне кризиса. А затем, как раз в стране передового капитализма, в Англии, кризисы имеют тенденцию смягчаться,—периоды промышленного подъема имеют тенденцию без катаклизмов переходить в периоды промышленной депрессии. Промышленный капитализм на высших стадиях развивается в пульсирующем темпе. Переживаемых послевоенных кризисов мы здесь, конечно не имеем в виду. Явление промышленных кризисов, видимо, и привело Карла Маркса к решительному отрицанию рынка, как регулятора производства.

Система регулирования производства, предлагаемая научным социализмом, не имеет ничего общего с системой, действующей в пределах капиталистического хозяйства. Единый план социалистического хозяйства не представляет собою суммы планов отдельных предприятий, как последние разрабатываются в пределах капиталистического хозяйства,—он строится на принципиально отличных основаниях. В социалистическом обществе нет рынка. Все распределительные функции централизованы в

специальных органах, действующих согласно Госплану. Все предприятия социалистического государства работают для „общего котла" и снабжаются из „общего котла".

Продукты, в особенности поскольку речь идет о средствах производства, передвигаются в социалистическом государстве вне порядка купли-продажи,—без эквивалентов. Не даром все русские исследователи социалистического хозяйства, Н. Бухарин, А. В. Чаянов, Ю. Ларин, находят в нем черты натурального хозяйства. И действительно, это уподобление следует считать правильным. Мы уподобили бы социалистическое хозяйство натуральному крестьянскому хозяйству. И в последнем имеются различные угодия, на пашне производятся различные посевы, имеются разнообразные отрасли животноводства. и все эти части хозяйства находятся между собой в самом тесном взаимодействии. Продукты сенокосов, пастбищ и полей поступают скоту; работа лошадей, навоз используются на полях, огородах и сенокосах; и все эти передачи ценностей из одной отрасли хозяйства в другую совершаются без актов купли-продажи. В крестьянском хозяйстве нет также резкой грани, отделяющей производство от домашнего хозяйства, от потребления, что характерно и для социалистического общества.

Это сравнение, на котором наши исследователи социализма, как-будто успокаиваются, решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если-бы... если-бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. Но можно ли путем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства?! Именно, в таких случаях количественные различия переходят в качественные.

Центральный орган социалистического хозяйства, скажем ВСНХ, чтобы привести производство в гармонию с общественными потребностями, не имея перед собой чуткого барометра рыночных цен, очевидно, вынужден будет прежде всего собрать какие-то данные, чтобы на их основании определить характер и количество предметов, нужных для удовлетворения общественных потребностей; затем ему придется учесть наличные средства производства, среди которых наибольшее значение имеет такой своеобразный и изменчивый элемент, как рабочие силы населения. После этого ВСНХ должен будет распределять наличные средства производства между основными отраслями народного хозяйства, и через Главки между отдельными предприятиями, предполагая, что самое комбинирование средств производства в предприятиях будет производиться местными органами.

У нас вошла в обиход фраза: „Социализм есть учет". И действительно, не располагая механизмом рыночных цен, социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, охватывающим

все стороны общественной жизни,—аппаратом, очень гибким и действующим непрерывно, чтобы улавливать все изменения, происходящие в этой жизни. Конечно, таким громоздким и дорогим статистическим аппаратом не обладают и самые культурные государства Запада, и конечно, таким аппаратом не обладает и Россия. Но не будем останавливаться на этих технических трудностях и обратимся к принципиальной стороне рассматриваемого вопроса.

Априорно определить потребности общества в хозяйственных благах? Мы думаем, что у Карла Маркса эта идея возникла под впечатлением безотрадной картины положения английского рабочего класса в первой половине истекшего века, которая нарисована в знаменитой книге его друга, Энгельса. Если капиталистическое хозяйство может дать рабочим только минимум средств существования, да и этот минимум, благодаря периодически наступающей безработице, не обеспечен, то рабочий класс сильно выиграет даже и в том случае, если социализм твердо обеспечит ему хотя-бы только этот минимум.

Более полустолетия прошло с той поры, когда Фердинанд Лассаль говорил столь драматически о „железном" законе заработной платы. По целому ряду причин, среди которых сыграла роль и собственная активность рабочего класса, закон заработной платы оказался скованным из какого-то гораздо более мягкого вещества, чем железо. Трудящиеся в Западной Европе, не говоря уже про Новый Свет, давно отвыкли от того, чтобы удовлетворяться тем, минимумом хозяйственных благ, который безусловно необходим для удовлетворения их элементарных потребностей. Их потребности,... их не измерить, как, вообще, невозможно измерить потребностей культурных людей. Границы им, конечно, положены, но не извнутри, а объективным фактом ограниченности покупательных средств трудящихся.

Поэтому, поскольку социализм задается целью не понизить, а повысить standard of life трудящихся, его задача совсем не сводится к тому, чтобы определить минимум хозяйственных благ, необходимых трудящимся. Надо создать громадную скалу хозяйственных благ, в которых они распределены в соответствии с тем, как потребители эти блага оценивают. Одни и те же блага будут фигурировать на различных ступенях этой скалы, ибо в известных количествах они безусловно необходимы, а в дополнительных количествах их значение понижается. Английский квалифицированный рабочий, член трэд-юниона, привык есть бифштекс и запивать его кружкой эля, он привык жить за городом в небольшом коттэдже, сообщаясь с городом по подземной железной дороге (тюб'у), он в воскресенье выходит на улицу в черном сюртуке и шелковом цилиндре. Вероятно, что уже и в Англии рабочий, подобно его американскому собрату, теперь привыкает пользоваться фордом. Конечно, докеры и другие черно-рабочие вынуждены жить гораздо скромнее.

Сам рабочий, конечно, знает сравнительное значение для него различных хозяйственных благ. Вероятно, от бифштекса он ни в коем случае не откажется, ни от первой кружки эля в день; вместо третьей и четвертой кружки эля он, пожалуй, предпочтет иметь третью комнату в коттэдже, если он семейный; дальнейшему расширению коттэджа, он предпочтет черный сюртук, праздничное платье для жены, и т. д. Каждый рабочий имеет свои вкусы,—культурные люди не из одного теста сделаны. И все они дают соответствующие директивы капиталистическому рынку, где бесконечно разнообразные запросы суммируются без всякой статистики.

Но как мы, служащие социалистического ВСНХ, разрешим априорно эти вопросы, какия мы имеем для этого объективные данные, коль скоро нет рынка, на котором степень напряженности соответствующих потребностей могла бы получить выражение со стороны самих потребителей. Однако, априорное вычисление хозяйственных благ, необходимых для удовлетворения самых минимальных потребностей, при отсутствии рынка, не представляет из себя такой легкой задачи, как многие это себе представляют.

Начнем с пищи. Пусть статистика даст нам достаточно свежие и точные данные о численности населения, о его половом и возрастном составе, о характере его занятий. Далее физиология даст нам указания о количестве пищевых калорий, необходимых людям разного пола и возраста при различной напряженности труда. Наука указывает нам, какой в пище должен быть минимум белка; остальные калории могут быть покрыты углеводами и жирами. Зная теперь состав пищевых веществ, мы можем следовательно составить рацион, в котором имелось бы достаточное количество калорий, в том числе и в форме белков. Необходимо все же заметить, что все эти подсчеты весьма приблизительны, ибо количество калорий необходимых взрослому рабочему колеблется в очень широком масштабе в зависимости от напряженности работы, в пределах от $2^1/_2$ до 8 тыс. в день; пищевые средства имеют весьма непостоянный состав, а анализировать каждую порцию их не представляется возможности. Но главная трудность не в этом.

В 90-ых годах прошлого столетия, основатель современной энергетической теории питания, германский физиолог Рубнер выставил такое положение: если доставлять животному с пищей минимальное количество энергии, необходимое для поддержания его функций, то организм в некоторой степени относится безразлично к тому, доставляется-ли эта энергия в той или другой форме. Четверть столетия прошло с той поры. Энергетическая теория питания сохраняет, конечно, свое значение, но в нее внесено множество дополнений. Организму, как это давно известно, необходим известный минимум белков, но оказывается, что белки белкам рознь,—есть белки пол-

ноценные и есть белки неполноценные, но и без первых обойтись нельзя. В пище обязательно должны заключаться и лецитины, и нуклеины, и мало исследованные витамины. Далее оказалось, что и жиры жирам рознь. Поэтому и при достаточном количестве пищевых калорий, и даже при достаточном количестве белков, можно всетаки довести население до массовых заболеваний цынгой.

Нам, может быть, возразят, что если ВСНХ во всеоружии науки не может подобрать соответствующего рациона и не может дать надлежащих директив производству, то как же сумеет это сделать обыватель? Но последнему никакая наука не нужна, он чувствует состояние своего желудка и своего организма и, следуя своему инстинкту, говорит, что ему что-то очень хочется мяса, или яиц, или творога, или морковки. А инстинкт его не обманывает. И при наличии рынка эти запросы на нем суммируются, и получаются надлежащие директивы производству, гораздо более правильные, чем может дать физиология со статистикой вкупе.

Но задача определения потребности в пищевых продуктах не самая трудная. Кто возьмется вычислить сколько нужно населению Петрограда дров для избавления его от страданий от холода? Если мы воспользуемая старыми нормами, то они явно неприменимы теперь, когда приходится согревать отдельные квартиры и даже отдельные комнаты в опустевших домах или в домах, которые по всей своей конструкции приспособлены к центральному отоплению. Новых же норм нет, да и как социалистическое общество может выверить свои априорные нормы, когда нет механизма, выражающего напряженность потребности обывателей в дровах?

С определением норм для одежды обстоит еще хуже, ибо сколько-бы мы ни настаивали, в виду тяжелого положения рес, публики, на том, что граждане вправе от нее требовать удовлетворения лишь своих минимальных потребностей, в этой области невозможно отделить необходимых потребностей от условных, конвенциональных. Пусть уже мы, мужчины, помирились бы на самой элементарной одинаковой одежде, но могучий инстинкт не позволит женщинам помириться с таким положением. В условиях свободного менового хозяйства женщина урежет себя в пище, чтобы придать известный эстетический оттенок своей одежде. В праве ли наша республика даже в том тяжком положении, в каком она сейчас находится, подавить этот инстинкт? Мы думаем, что нет. Но производством какого количества необходимых предметов республика должна пожертвовать для удовлетворения минимальных потребностей женщин в украшениях.

Нам скажут, но разве государство и при капиталистическом строе не берется по определенным нормам удовлетворять потребностям известных групп населения, и разве оно с этой задачей

не справляется вполне удовлетворительно? Перед нами самый разительный пример—содержание громадных армий. Но в данном случае задача до чрезвычайности упрощена. Мы имеем здесь комплекс людей одинакового пола и возраста, исполняющих однородную работу и размещаемых вместе. Вся эта масса обозрима, с ней поддерживается тесный контакт, и последствия того или другого способа ее содержания—на виду. В момент, когда коммунизм находился у нас в апогее своего развития, у нашей государственной власти мелькала мысль, что в столь же однородные условия могут быть поставлены ее граждане. Отсюда опыты создания домов для рабочих, практика механических вселений и уплотнений, коммунальные столовые. Однако, проделанные опыты были мало удачны. Свою программу провести до конца, ибо ее предпосылкой должна была-бы быть отмена моногамного брака, чего последовательно и требовала гр. Коллонтай, но на что наша власть не шла.

Итак, *даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического апарата, социалистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребностей своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству. Но* все же не в этом заключается *самая слабая сторона социалистического хозяйства,*—она *заключается в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные функции.*

В условиях свободного менового хозяйства, каждое предприятие непрерывно отстаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно нужны новые материалы, ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны есть каждый день, и используемый в нем капитал должен отбрасывать прибыль. Средства для этого оно добывает себе само от народного хозяйства, вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме всеобщего эквивалента. На вырученные деньги он сам приобретет материалы, обновит машины, оплатит рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах, он часть ее может употребить на расширение производства. Если его предприятие докавало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, дозволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволил бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов его, будет недостаточно для продолжения производства; это для него memento mori,—народное хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организацией своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и между его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый—продукт предприятия поступает в „общий котел", и второй—из „общего котла" предприятие получает необходимые ему средства для дальнейшего производства. Круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных, закономерных актов купли-продажи, не зависимых от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а определяемых рыночными коньюнктурами. В головах некоторых служащих ВСНХ акт поступления продуктов в „общий котел" и акт поступления оттуда средств производства для продолжения предприятия могут быть приведены в связь. Но связь эта весьма неопределенная.

Если бы даже социалистическое государство и предложило служащим ВСНХ руководиться соответствием этих двух актов, то они не состоянии ее констатировать по указанной уже причине,—за отсутствием в социалистическом хозяйстве ценностного учета. Данный совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т. п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономии сельского хозяйства, А. В. Чаяновым, не состоятельна,—таково мнение не только наше, но и марксистов. Она несостоятельна, ибо, как мы показали, в пределах безрыночного хозяйства эта задача неразрешима.

Итак, если-бы даже служащие ВСНХ стояли твердо на принципе, что питание предприятия должно соответствовать его производительности, если-бы даже они имели возможность взять на себя гигантский труд изучения каждого из бесчисленных предприятий, с которыми они имеют дело, то, в конце концов, мы не могли бы им дать объективного критерия для оценки этих предприятий. Все будет зависить, и не может не зависить, от их усмотрения. А, вместе с тем, большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти.

А между тем и положительна оценка ВСНХ того или другого экономически здорового предприятия далеко не обеспечивает его нормального развития. Заведывание распределением

отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждениям,— Главкам. Перед каждым из них конкуррирует целый ряд предприятий, и все они конкуррируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят, в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все требуемые средства производства комплементарны, только вкупе они делают продолжение производства возможным, и надо, что бы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые заключения и с соответственным численным их выражением. Задача эта бесконечно более сложна, чем она была в капиталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или другую надбавку при приобретении того или другого средства производства. Неудивительно поэтому, что стройное функционирование предприятия в социалистическом государстве есть не правило, а исключение. У семи нянек дитя без глазу... Единогласно признано, что Грозненский нефтяной район функционирует лучше других, и наличие такого убеждения не помешало району остаться без продовольствия. Кто сомневается в том, что астраханские рыбные промыслы в России—важнейшие? Тем не менее они остались без сетей, и миллионы пудов рыбы пропали, так как нижегородским кустарям, искони изготовляющим сети, не был предоставлен материал для их плетения. Скажут, что это неналаженность. Но может-ли что-нибудь подобное случиться в совершенно неналаженном, анархическом капиталистическом обществе? Конечно, нет. Имея такой драгоценный продукт, как нефть, предприниматель конечно всегда найдет хлеб для тех, кто ее вырабатывает. Точно также скупщик сетей всегда найдет для своих кустарей материал; в худшем случае он заплатит лишний золотой рубль за пуд пеньки, который астраханский промышленник ему, конечно, возместит.

Разница эта обусловлена, конечно, не тем, что в капиталистическом обществе хозяйством руководят более интеллигентные и более добросовестные люди чем служащие ВСНХ, а тем, что формы экономической организации здесь принципиально различные. Оказывается, что *у социалистического хозяйства*, в действительности, *нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством*.

Отсюда получилось то обстоятельство, что только те предприятия сохранили в Р. С. Ф. С. Р. свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они были далеко не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров. Мало того, в конце концов, эти предприятия, не питавшиеся государством из „общего котла“, давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании.

Нам могут сказать: а разве в самом капитализме не замечаются тенденции к централизации?

Ведь социализм с сущности делает дальнейшие шаги в том-же направлении, в каком развивался и капитализм. Действительно, Standard Oil Company распоряжается всей северо-американской нефтяной промышленностью, а стальной трест—всей металлургией. Не даром, в подражание американцам, слово трест стало теперь излюбленным в нашей социалистической практике. Однако, между капиталистическим трестом и социалистическим остается принципиальное различие в организации. Капиталистический трест всетаки ориентируется на рынок, социалистический-же его отрицает. Капиталистический трест реализует свой товар на рынке и в порядке свободной конкурренции с другими предприятиями привлекает рабочих, закупает двигатели, орудия, металлы и т. п. Он отличается от других капиталистических предприятий лишь иным способом формирования цен на свои продукты. Но и эти цены не определяются односторонне, по произволению треста. За всяким повышением цены продукта следует сокращение спроса и следовательно повышение расходов, падающих на единицу продукта. Поэтому образование треста не предрешает еще фиксации цен на высоком уровне. При более дальновидной политике тресты часто понижают цены ниже нормы, наиболее выгодной для них в данной момент, чтобы приучить более широкие слои населения к пользованию данным продуктом, чтобы предупредить распространение конкуррирующего продукта. Итак, тресты, не только по своим целям, но и по своей экономической организации имеют мало общего с социализмом...

Мы могли-бы на этом закончить наше исследование. Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, не состоятельна. Стремясь преодолеть „анархию капиталистического производства", социализм может подвергнуть народное хозяйство в „суперанархию", по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии. Но мы могли-бы на этом остановиться лишь в том случае, если-бы марксизм представлял из себя научную теорию и больше ничего. В действительности-же марксизм, в качестве экономической программы, стал преобладающим лозунгом величайшего общественного движения современности... Это обязывает нас рассмотреть марксизм и с других существенных точек зрения.

VI. Проблема распределения и социализм.

Прочтя настоящее заглавие каждый социалист скажет, что проблема распределения имеет интерес только в обществе, в котором владеющие классы под видом ренты и прибыли присваивают себе продукт чужого труда, но такой проблемы нет и не может быть в пределах социалистического общества, ибо рабочий получает в нем полный продукт своего труда.

Однако, действительно-ли социалистическое общество может выплачивать рабочему полноценный продукт производства без всяких отчислений в счет используемых им в процессе труда природных сил, поскольку они даны в ограниченном количестве, и капитала? Не приведет-ли такой порядок к нелепостям и даже... к несправедливостям? Исследуем.

Социалистическое общество посылает две группы рабочих на два рудника. Обе они трудятся одинаково усердно и искусно и наламывают одинаковое количество руды. Но из одной руды добывают железо, а из другой платину. И в социалистическом обществе платину будут ценить выше, чем железо. Будет-ли социалистическое общество платить каждой группе в соответствии с произведенными ими ценностями?

Возьмем другой случай. Социалистическое общество предоставляет двум равночисленным группам сельского-хозяйственных рабочих два участка. Они проработали год с одинаковым усердием и искусством, а в результате, вследствие разнокачественности участков, на одном из них получилось в $1^1/_2$ раза больше продуктов, чем на другом. И в социалистическом обществе $1^1/_2$ п. зерна ценятся выше, чем 1 пуд. Будет-ли социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с произведенными ими ценностями?

Нам возразят, что платиновый рудник следует использовать интенсивнее, чем железный, и плодородный участок—интенсивнее, чем малоплодородный, и тогда предельной затрате труда будет соответствовать продукт одинаковой ценности. Но ведь это не меняет элементарного факта, что группа рабочих на платиновом руднике в целом вырабатывает больше ценностей, чем группа рабочих на железном руднике, и что группа рабочих на плодородном участке в целом вырабатывает больше ценностей, чем на малоплодородном. В связи с этим в пределах капиталистического общества, при одинаковой оплате труда и капитала, на платиновом руднике оседается большая рента, чем на железном, а на плодородном участке большая, чем на малоплодородном.

Вернемся теперь к уже использованному для другой цели примеру производства канатов на фабрике и в кустарных мастерских. На фабрике группа рабочих произведет больше канатов и, может быть, лучшего качества, чем такая-же группа ра-

(32)

бочих, трудящихся столь-же усердно и искусно в кустарных мастерских. И в социалистическом обществе канаты ценятся пропорционально их количеству и в соответствии с их качеством. Будет-ли и в данном сучае социалистическое общество выплачивать ценность полного продукта производства обеим группам рабочих?

Ответы на поставленные вопросы не возбуждают сомнений. Очень последовательные социалисты могут, пожалуй, отмахнуться от поставленных нами вопросов заявлением, что они, вообще, не считают нужным ставить вознаграждение рабочего в зависимость от результатов производства. Однако, последовательное проведение этого принципа невозможно. И русский коммунизм первоначально сильно тяготел к принципу: „работать по способностям и получать по потребностям". Но наша власть скоро признала губительное влияние этого принципа на интенсивность труда и вынуждена была перейти к системе премиальной оплаты труда, а затем и к системе коллективного снабжения, имеющей целью привести оплату труда в еще более строгое соответствие с его результатами. Но если социалистическое общество, подобно капиталистическому, вынуждено диффиренцировать вознаграждение трудящихся, то, очевидно, что оно будет это делать в соответствии с продуктивностью труда лишь постольку, поскольку последняя определяется его интенсивностью и проявленным искусством, а не поскольку на нее влияют природная обстановка и большее или меньшее обилие оплодотворяющего труд капитала. Но тогда и в пределах социалистического общества в продукте производства приходится различать долю, которая должна быть.... вменена (нельзя не согласиться с П. Б. Струве, что соответствующий термин австрийской школы, „zurechnen", чрезвычайно удачен) труду, и доли, которые должны быть вменены природой обстановке и капиталу. В капиталистическом обществе последние две доли именуются рентой и прибылью; если эти два термина неприятно звучат для социалистического уха, то можно было-бы придумать какие-нибудь новые термины, но ведь существо дела от этого не изменилось-бы. Нам приходится вспомнить тот вывод, к которому мы уже пришли при изучении проблемы трудового учета: „тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, имеет свое значение и при социалистическом строе и не позволяет себя игнорировать". И так, *прибыль и рента являются не историческими, а логическими категориями хозяйства.*

Мы чувствуем, что в этом пункте наши экономические воззрения коренным образом разошлись с воззрениями не только коммунистов и социалистов, но всей мыслящей русской интеллигенции, которая вся воспитана на традициях научного социализма. Ведь и покойный Туган-Барановский, который первый на столбцах марксистского органа, „Современный мир", позво-

лил себе развить теорию предельной полезности, в этом отношении остался верным научному социализму,—прибыль и ренту он признал историческими категориями капиталистического хозяйства. Ввиду этого мы опасаемся, что наши читатели не легко помирятся с нашими выводами и будут чутко прислушиваться к возражениям против них. Это обязывает нас войти в их рассмотрение. Попытаемся проследить возможные зигзаги экономической мысли, направленные к тому, чтобы прорвать цепь наших умозаключений.

Для защиты концепции научного социализма, вероятно, выдвинуто будет такое его толкование. Маркс, будто-бы, совсем не утверждал того, что ценность данного продукта определяется, именно, трудом тех рабочих, которые участвовали в его создании. Маркс утверждал только, что все ценности, произведенные в определенный промежуток времени в народном хозяйстве, должны быть рассматриваемы, как продукт труда рабочего класса в целом. В связи с этим и каждого рабочего следует считать производящим при нормальном усердии и умении известную среднюю ценность, независимую от природной обстановки и от степени оплодотворения труда капиталом. Мы могли-бы из I-го тома „Капитала", в котором товар всегда фигурирует, как „кристаллизованный труд", привести достаточно цитат в пользу более реалистического истолкования экономической теории Маркса, а мои оппоненты, наверно, сумели-бы из III-его тома „Капитала" привести достаточно цитат в пользу своего более абстрактного истолкования теории Маркса. Нам представляется, что, хотя экономические концепции I-го тома теперь устарели, но они отличаются большой отчетливостью, последовательностью, и потому имели большое значение для развития науки. Наоборот, концепции III-го тома „Капитала" и менее ясны, и более расплывчаты, а потому имеют меньшую научную ценность. Они являются выражением того, что под конец жизни Маркс поколебался в своей реалистической концепции I-го тома, пытался ее смягчить, но не был уже в состоянии коренным образом переработать своих воззрений, а потому, надо полагать, не мог закончить разработки своего труда. Но, впрочем, я не начетчик в Марксе и готов положиться на своих оппонентов, что абстрактная концепция более соответствует общему духу марксизма. Однако, это нисколько еще не колеблет наших выводов.

Рабочие двух социалистических республик трудятся с одинаковым усердием и умением, но труд в одной республике мало оплодотворен капиталом, а в другой им обильно оплодотворен. Результаты труда, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности труда?

Рабочие двух социалистических республик трудятся одинаково усердно и умело, и труд их в одинаковой степени оплодотворен капиталом. Но одна республика располагает только залежами посредственного бурого угля, бедными металлом же-

лезными рудами, мало плодородными супесчаными почвами, и совсем не располагает хорошими естественными гаванями, а другая республика располагает прекрасными антрацитами, богатыми металлом железными рудами, плодородными суглинистыми почвами и прекрасными естественными гаванями. Результаты труда будут в обеих республиках, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности народных хозяйств обеих республик?

Наши теоретические конструкции могут воплотиться в жизни в очень конкретных фактах, и мы можем быть поставлены перед задачами весьма актуального порядка.

Представим себе, что всемирное торжество социализма совершилось. Но и после этого, конечно, останутся народы бедные капиталом и богатые капиталом. Представим себе, что разоренный русский рабочий обратится к английскому с просьбой дать ему паровозы, машины, орудия, удобрения и с обещанием через 25 лет вернуть весь этот капитал или соответствующий эквивалент. Процент на капитал есть результат эксплоатации. И может быть, русские рабочие, горячие марксисты, убедят, не любящих теорий, англичан, что пролетариям брать проценты, да еще с пролетариев,—не хорошо. Однако, такая победа русской точки зрения могла бы иметь для русского рабочего класса весьма печальные последствия. Мы опасаемся, что тогда английские рабочие скажут своим русским товарищам: „Конечно, капитал вам нужнее, чем нам. Но и мы лишним капиталом не располагаем. Вот, американские товарищи имеют, каждый по автомобилю, а у нас автомобильные фабрики не оборудованы. Мы начали расселяться в городах-садах, и это дело еще очень далеко от своего завершения, и приходится жить в старых мрачных городах, напоминающих горькие времена капитализма. Неужели нам отложить на целое поколение удовлетворение этих наших нужд? Ведь не забудьте, товарищи, что это ведь капиталы не буржуазии, а наши пот и кровь". Мы предоставляем марксистам найти возражения против этих слов английского рабочего народа, ибо мы ничего возразить против них не умеем. Очевидно, что после всемирной социальной революции будет одно из двух: или международная циркуляция капитала прекратится—к громадному ущербу не только для развития производительных сил человечества, но и для успехов его культуры, или в международных отношениях категорию процента на капитал пришлось-бы признать правомерной, чтобы о ней ни говорил учитель Маркс.

Теперь мы можем себе представить и другую картину. Будет день и английский рабочий народ обратится к русскому с такими словами: „Вот у вас, товарищи есть сибирские леса. Использовать их, как следует, Вы не можете, — у Вас нет ни капиталов, ни квалифицированных рабочих, ни организаторов. Разрешите нам эти леса использовать"! И с большим правом, чем в предшествующем случае русские рабочие, англичане

могли-бы прибавить, и даже не ссылаясь на слова великого учителя: „Не Вы ,русские товарищи эти леса ростили, сами выросли, и пожалуй, не пристало Вам и требовать вознаграждения за их использование“. Но, вероятнее всего, что практичным англичанам, еще не изжившим глубоко в них вкоренившихся традиций капиталистического строя, такие мысли в голову не прийдут, и они попросту предложат своим русским товарищам определенное рентное вознаграждение за использование лесов, от которого последние, по всей вероятности,... не откажутся.

Итак, тот метод исследования, на который мы вступили ввиду возможных возражений со стороны наших оппонентов, оказался особенно плодотворным, ибо он дает возможность отвлечься от классовых отношений, которые своим влиянием на нашу эмоциональную сторону обычно затемняют вопрос. Логический характер ренты и прибыли, как категорий всякой хозяйственной деятельности, в интернациональных отношениях выступает с особой отчетливостью.

Если-бы мои предполагаемые оппоненты из лагеря научных социалистов не нашли достаточных доводов против выдвинутых нами здесь положений, то, применительно к прибыли, они наверное сказали-бы, что если она есть логическая категория хозяйства, то в конце концов она должна быть отчислена труду, ибо ведь капитал есть продукт труда. Однако мы не можем согласиться и с этим утверждением научного социализма.

Отвлечемся опять от затемняющих вопрос социальных отношений. Две социалистические республики, в одинаковых природных условиях, с одинаковыми запасами капитала, с одинаково усердным и умелым рабочим классом. Между ними только одно отличие. Рабочий класс одной республики сохранил, в качестве наследия от капиталистического строя, столь распространенное в последнем качество — предусмотрительность. Благодаря этому, оказывается, что в каждый новый год он вступает, не только сохранив старый капитал, но и приумножив его. Рабочий класс другой республики, наоборот, страдает некоторой непредусмотрительностью. В связи с этим к концу года его капитал оказывается не только не приумноженным, но даже сократившимся. Если так будет продолжаться несколько лет, то рабочий класс первой республики будет богатеть: он будет и лучше удовлетворять своим потребностям, и ему все легче будет приумножать свой капитал. Наоборот, рабочий класс другой республики, трудясь столь же усердно и умело, будет беднеть; и если даже нужда его обучит благоразумно, то, вследствие низкой производительности, обедневшего капиталом, народного хозяйства, поправить его состоянию будет очень трудно. Конечно богатая, но мирная социалистическая республика, не придет с дредноутами, цепелинами и дальнобойными пушками, чтобы империалистически подчинить свою бедную соседку, как это нередко случалось при капиталистическом строе. Надо полагать, что, насытив ка-

питалом свое собственное хозяйство, она его избытки предложит за известный процент своей обнищавшей соседке, и... пущенным на проценты капиталом она выручит из беды дружественный народ, впавший в бедность по собственному легкомыслию.

Приведенный пример, который мы намеренно поставили так, чтобы отвлечься от социальных отношений, нам с отчетливостью показывает, что хотя труд, конечно, является необходимым фактором всякого производства, а следовательно и производства капитала, все-же *само по себе труд, капитала не творит производство, а следовательно и*. Для создания и даже сохранения капитала необходимо еще что-то... может быть, воздержание? Но термин этот остроумно высмеян Лассалем с помощью картины толпы капиталистических аскетов с Ротшильдом во главе, которые своим „воздержанием" творят главные массы капитала. Для тех, кто накопляет капитал из скромного дохода, этот акт действительно требует воздержания, но чем доход обширнее, тем термин этот становится менее подходящим, ибо в этих случаях для накопления капитала требуется только благоразумие, расчетливость. Английские экономисты пустили в обращение более объективный термин—„ожидание" (waiting). Но дело не в термине, нам важно было показать, что капитал есть особая категория хозяйственной жизни, происхождение коей не сводится просто к труду,—к производству.

Очевидно, что в своем протесте против индивидуального присвоения ренты и прибыли научные социалисты зашли слишком далеко, отрицая ренту и прибыль, как логические категории хозяйства, а вместе с тем отрицая особое от труда и производства происхождение капитала. Между тем никакая национальная организация хозяйства не возможна без распределения произведенных ценностей на три категории: заработную плату, прибыль и ренту.

Мы сделали длинный теоретический экскурс. Но мы вернулись из него с ценными выводами, конечно, не для марксистской доктрины, но для практического социализма. Уже небольшой опыт русской революции доказывает, что попытка коммунизма сделать вознаграждение за труд независимым от его результатов приводит неминуемо к параличу энергии трудящихся. В настоящее время наша республика стремится привести вознаграждение за труд в возможно строгое соответствие с результатами труда. В этих условиях совершенно невозможно держаться той точки зрения, что трудящиеся в данном производстве могут претендовать на весь его продукт. В особенности-же с того момента, когда наша республика, прорывая марксистскую концепцию социализма, разрешает отдельным фабрикам реализовать свои продукты на рынке („разбазаривать" их, как ворчат твердокаменные марксисты), вопрос приобретает актуальное значение. Вправе-ли рабочие национализированной табачной фабрики реализовать на рынке в свою пользу весь продукт за вычетом, ко-

нечно, той его части, ценность коего должна покрыть амортизацию капитала, или нет? С марксистской точки зрения ответ должен быть утвердительный, с развиваемой нами точки зрения ответ должен быть отрицательный. Если капитал принадлежит республике, как совокупности трудящихся, если производительность труда зависит от капитала, то она вправе требовать от рабочих вознаграждение за то, что она предоставила им возможность использовать свой труд на фабрике,... она вправе требовать процента на капитал. А если-бы республика предоставила рабочим землю, то она вправе за нее требовать ренту.

Еще явственнее выступает практическая несостоятельность марксистской доктрины в условиях нашей новой экономической политики,—при сдаче в аренду национализированных фабрик. Если рабочим по праву должен принадлежать весь продукт производства, то достаточно того, что им посадили на шею эксплоатирующего их предпринимателя. На каком-же основании республика требует еще от предпринимателя арендный платеж, который, конечно, ограничивает возможный заработок рабочих? Для рабочих является еще недостаточным утешением тот факт, что наша республика рабочая, ибо фонд рабочего класс не есть всетаки доход данной группы рабочих.

С нашей точки зрения, взимая арендный платеж с предпринимателя, республика рабочих нисколько не обижает. Но чтобы ближе разобраться в размерах этого платежа, нам необходимо расчленить капиталистическую прибыль. С точки зрения современной политической экономии она не представляет из себя склада „прибавочной ценности", она делится на следующие довольно определенные элементы: вознаграждение за капитал, вознаграждение за риск, субъективный и объективный, и предпринимательский доход. Очевидно, что республика имеет право на вознаграждение за капитал и за субъективный риск, а частью и за объективный риск; предпринимательский доход и отчасти вознаграждение за объективный риск должны быть предоставлены предпринимателю. Марксизма в такой организации, конечно, нет ни крупицы, но элементы социализма, в более широком смысле, имеются, ибо общество сохраняет за собой нетрудовые доходы, к которым предпринимательский доход не может быть целиком причислен.

А надо признать, что и рента, и проценты на капитал очень и очень пригодятся социалистической республике. Прежде всего социалистическое государство ведь фактически несет на себе главный риск производства, и при малейшей непредусмотрительности она свой капитал может загубить. И еще важнее то, что вся конструкция социалистического общества такова, что она убивает у его членов всякий интерес к сбережениям; этим она подрывает в корне столь могучий при индивидуалистическом строе процесс капиталообразования. Таким образом, социалистическое общество должно взять на себя тяжелое, может быть

непосильное, бремя расширенного воспроизводства. И само собою разумеется, что социалистическое общество обязано удовлетворять коллективным потребностям своих граждан, в особенности их культурным нуждам, во всяком случае в более широком масштабе, чем они удовлетворяются в капиталистическом обществе, где культурные нужды в значительной части удовлетворяются за частный счет и по частной инициативе. Не из одних налогов-же собирать нужные для всего этого средства. Налоги легче собирать в капиталистическом обществе, где значительная часть доходов концентрируется, и их труднее собирать в обществе, где они уравнительно распылены.

Наши выводы о природе прибыли и ренты имеют значение также и для родственного социализму, кооперативного движения. Кооперация пока еще живет теориями научного социализма, и это при соприкосновении с рабочим вопросом ставит ее в весьма двусмысленное положение.

Одной из важнейших очередных задач для потребительской кооперации, а отчасти и для других ее видов, является широкое развитие собственного производства. Эта задача имеет большое значение не только для кооператоров, но и для рабочего класса, ибо кооперативное производство, конечно, будет предпочтительно строиться на экономии высокой заработной платы и будет оказывать благоприятное влияние и на положение рабочих в капиталистическом производстве. Но идеология современного социализма до крайности запутывает отношение кооперации к работающим в ее предприятиях наемным служащим и рабочим.

В этом отношении очень характерны рассуждения покойного М. И. Туган-Барановского, кооператора и социалиста[1]... „Весь продукт, производимый на фабрике потребительного общества", говорит он в полном согласии с учением Маркса, „создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительное общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало прибавочного продукта, и значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу. Но если так, то для чего потребительному обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно". Вывод Туган-Барановского из сделанной марксистской посылки не только в основе правилен, он даже смягчен. Эта фабрика несомненно вредна для потребительного общества, ибо отвлекает его средства и подвергает их риску. Противоречие здесь получается неизбывное, и в конце концов, Туган-Барановский приходит к довольно грустному для коопе-

[1]) М. И. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, страница 170—181.

ратора и научного социалиста выводу: „Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта“. После этого довольно жалким является самоутешение автора, что кооператив будет применять высшие из норм вознаграждения труда, практикуемых в капиталистических предприятиях, т. е. что он будет лишь умеренно эксплоатировать, трудящихся у него, рабочих и служащих. Согласно взглядам современной политической экономии, потребительское общество имеет уже во всяком случае полное право оставить за собой и процент на капитал, и вознаграждение за риск, и предпринимательский доход, и прибавим на доходы потребительного общества, полученные от капитала, действительно сколоченного воздержанием скромных тружеников, меньше всего в праве претендовать не только рабочие, но и общество, как целое.

Если, таким образом, и в социалистическом обществе продукт производства должен быть распределен на заработную плату, на которую могут претендовать рабочие, и на прибыль и ренту, которые должны быть отчислены в пользу заменившего капиталиста государства, то практическое разрешение этой задачи при отсутствии рынков на предметы потребления и на средства производства в пределах марксизма невозможно. В капиталистическом хозяйстве эта задача решается в стихийном процессе конкурренции предпринимателей на рынке средств производства. Притом дело не идет ни для земли, ни для капитала, ни для труда о выработке каких-то средних. Для каждого участка назначается своя рента, для каждой вещной формы капитала—своя quasi-рента и для каждой формы труда соответствующая данным условиям заработная плата. Каждое средство производства при совершенной конкурренции оценивается в соответствии со своей предельной производительностью. В социалистическом обществе, если-бы даже мы опирались на действующий рынок потребительных благ, чего в данном случае нет, мы все-же не сумели-бы выполнить эту задачу вменения с тем-же совершенством, как она выполняется в стихийном процессе.

Другое дело — условия, создаваемые новой экономической политикой. Раз воссоздается рынок продуктов потребления, а государство воссоздает и рынок на средства производства, то, хотя и в мало совершенной форме, но все-же стихийный процесс вменения опять восстановляется.

Защищая положение о ренте и прибыли, как логических категориях всякого хозяйства, и о специфическом происхождении капитала, мы не хотели-бы взять на себя ответственности за вывод, который делают из них многие экономисты,—о полной и безусловной правомерности индивидуального присвоения земли и капитала, бесконтрольного ими распоряжения и индивидуального присвоения ренты и прибыли. И после признания выдвинутых положений этот вопрос еще подлежит особому рассмотрению.

Против приведенных выводов могут быть выдвинуты и после приятия наших положений серьезные возражения. Пусть теперешнее распределение дохода является следствием указанных нами объективных фактов, определяющих производительность труда, но самое это распределение исходит из данного крайне неравномерного распределения собственности, которое имеет свои исторические корни не столько в экономической жизни, сколько в политическом преобладании высших классов, а в глубине веков, прямо в насилии и грабеже. А затем производительность земли и капитала есть результат политического и культурного развития общества, а не заслуга землевладельцев и капиталистов. Ведь совсем не далеко от нас время, когда земля без прикрепленного к ней населения не имела никакой цены, а капитал не только не давал дохода, а требовал расхода для своего сохранения. Вот почему в известной мере общество, как целое, может смотреть на землю и на капитал, как на свое достояние, и может претендовать на известное участие в отбрасываемых этими факторами доходах. Эта правовая идея выношена 19-ым столетием, на ней строится современная социальная политика, которая не может основываться только на целесообразности, а должна иметь под собой и известное правосознание. Наша критика, конечно не направлена против этой идеи, выстраданной 19-ым веком, мы не защищаем принцип: laissez faire, laissez passer", мы боремся только против учения, которое желало-бы с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации,—принцип хозяйственной свободы. К рассмотрению вопроса об отношении социализма к этому принципу нам предстоит теперь перейти.

(*Окончание следует*).

Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе.

Б. Д. Бруцкуса.

VII. Хозяйственная свобода и социализм.

„Социализм есть скачок из царства необходимости в царство свободы“,—так утверждают Энгельс и Маркс.

Для того, чтобы попасть в католический рай приходится пройти через чистилище; для того, чтобы вступить в социалистическое царство свободы, надо пройти через диктатуру пролетариата. Таким образом, скачок социального переворота приводит нас, пока что, только к диктатуре.

В каком отношении стоит диктатура пролетариата к принципу личной свободы, явствует из самого понятия диктатуры и иллюстрировано русским опытом. Совершенно безнадежны попытки Каутского и русских меньшевиков затемнить этот простой и ясный вопрос сближением марксистской диктатуры пролетариата с демократией. Маркс, конечно, умел различать эти два понятия, и если он применил термин „диктатура“ для характеристики политического режима эпохи, переходной от капитализма к социализму, то он сделал это не „pour épater le bourgeois“,— он для этого слишком серьезен.

Но режим диктатуры, по марксистской концепции, только временный. Правда, Н. Бухарин в своей „Экономике переходного времени“ нас убеждает, что дело перестройки общества на новый лад потребует не отдельных лет, а десятков лет, и русский опыт как будто говорит за то, что этой перестройки не следует делать слишком стремительно.

Но, как-бы там ни было, рано или поздно, когда диктатура пролетариата окончательно уничтожит классовое расчленение общества, она себя самое упразднит. Мало того, согласно учению Маркса, тогда начнется и отмирание самого государства. Научный социализм утверждает, что государство есть организация классового господства, — и только. В демократии через государство осуществляется власть буржуазии над пролетариатом, подавление первым классом второго; при диктатуре пролетариата с помощью государства осуществляется обратная задача. Но раз классов больше нет, то становится излишним и государство. В социалистическом обществе нет больше власти людей над людьми, остается только организация производства — власть людей

над вещами, над природой. Социализм, хотя совершенно иными путями, ведет общество к тому-же блаженному безгосударственному состоянию, к которому призывает его и анархизм.

Вся эта конструкция безгосударственного состояния, однако, при ближайшем рассмотрении возбуждает глубокое недоумение. Действительно-ли в социалистическом обществе осуществляется только власть человека над вещами, над природой?.. Скажем, что в пределах буржуазного общества мне принадлежит дом. Не ясно-ли, что речь здесь идет не об отношении моем к физическому телу, к дому? Речь здесь, очевидно, идет о юридических отношениях меня и моих сограждан по поводу дома. „Мне принадлежит дом“,—это значит, что никто из моих сограждан без моего разрешения им пользоваться не может. Но ведь совершенно такой-же правовой характер сохранят аналогичные отношения и в пределах социалистического общества. Вместо домовладельца здесь выступает общество, как целое, которое через свои правомочные органы распоряжается домом, и отдельные граждане помимо этих органов распоряжаться им будут не в праве.

Точно также и организация производства не обнимает только отношений людей к природе. Если нечто подобное можно сказать об изолированном крестьянском хозяйстве, то такое утверждение является чрезвычайно странным по отношению к социалистическому хозяйству. Последнее строится на крупном производстве, оно предполагает сильнейшую дифференциацию и обширную интеграцию труда граждан, оно предполагает строжайшее координирование всех отраслей народного хозяйства. Очевидно, социалистическое общество требует от своих сограждан во всяком случае не меньшей дисциплины, чем капиталистическое. И в нем устанавливаются весьма сложные взаимоотношения между гражданами на почве неизбежной между ними иерархии в процессе производства. Затем нет оснований рассчитывать, что в сознании каждого гражданина его интерес отождествится с интересами общества. А раз общество связано сложными правовыми отношениями, раз возможны антагонизмы, если не между классами, то между гражданами, и между ними и обществом в целом, то должна существовать и принудительная организация—государство, которое бы своим авторитетом поддерживало данный строй правовых отношений. Если только люди после утверждения социализма не претворятся в ангелов, то наш вывод едва-ли можно оспаривать. Таким образом, и для социалистического общества идея безгосударственного существования является мечтой. Конечно, формы принуждения могут стать весьма мягкими, но ведь к этому стремится, и не совсем безуспешно, и современное демократическое государство.

Мы не бросим социализму упрека за то, что он не в состоянии осуществить обетований Маркса о безгосударственном бытии. Но зато мы не можем просто положиться и на обещание научного социализма осуществить царство свободы; мы должны рассмотреть, имеются-ли для этого в социализме соответствующие экономические предпосылки.

Рассмотрим, насколько социализм совместим с принципом хозяйственной свободы и остановимся на трех ее элементах: на свободе

хозяйственной инициативы, на свободе организации потребления и на свободе труда.

Свобода хозяйственной инициативы имеет ценность для личности, но едва-ли не большую ценность она имеет для общества. Исключительно широкое развитие производительных сил капиталистического общества стоит в теснейшей связи с принципом хозяйственной свободы, с принципом свободной конкуренции. В условиях свободного менового хозяйства никакая производственная организация не имеет монополии на исполнение в пользу общества тех или других хозяйственных функций. Каждая организация может быть вытеснена другой, исполняющей соответствующие функции совершеннее, дешевле. И на этом строится прогресс народного хозяйства.

Не трудно видеть, что условия для проявления свободной инициативы в социалистическом обществе гораздо менее благоприятны. Прежде всего, при более или менее уравнительном вознаграждении за труд отпадает значительная часть тех стимулов, которые возбуждают в капиталистическом мире дух предприимчивости. Конечно, научные открытия делаются не из корыстных мотивов, а из неугасимого устремления человеческого духа к истине. В изобретениях научный интерес уже отодвигается на задний план, и практические мотивы имеют большее значение. Но непосредственно хозяйственную жизнь двигают ведь не ученые, ни даже изобретатели,—ее двигают организаторы-практики. Их задача состоит не в научных открытиях, не в изобретениях и обычно даже не в практическом использовании последних. Их задача состоит в том, чтобы найти самую удачную комбинацию факторов производства для создания того или другого продукта с наименьшими затратами; [illegible] состоит в том, чтобы отыскать новые более дешевые или совершенные средства для удовлетворения потребностей, или чтобы наметить вновь назревающую общественную потребность и найти дешевые способы ее удовлетворения. Имея дело в большинстве случаев с материальными потребностями людей, предприниматели не могут сами руководиться идеальными устремлениями,—их влечет к деятельности жажда обогащения.

Этот интерес в социалистическом обществе отпадает,—он противоречит его эгалитарному духу. Но, если-бы даже предприимчивость в социалистическом обществе все-таки не заглохла, ей все-же трудно было-бы добиться каких-нибудь результатов, ввиду полной бюрократизации хозяйственной жизни. Скажут, что социалистическое общество постарается поставить во главе своих предприятий возможно более талантливых организаторов, которые будут с величайшим вниманием относиться ко всем предлагаемым новшествам. Однако, ведь и социализм не может гарантировать от непотизма, а отсутствие ценностного учета до крайности затруднит оценку высших должностных лиц. Но, даже при самом удачном замещении высших постов, большую опасность представляет то, что каждое новшество должно быть оценено только в определенном месте. И во сколько раз капиталистическое хозяйство является в этом отношении более сильным, благодаря тому, что капиталисты конкурируют друг с другом, и их взаимная конкур-

ренция заставляет их с жадностью хвататься за каждую удачную новинку. Да и новатор может сам обладать капиталом или может достать кредит для осуществления своей идеи.

Социалистическая организация хозяйства, если-бы ей, наконец, удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась-бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего, подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества, социалистическое общество не представляло бы.

Если социализм не дает простора для проявления инициативы в сфере производства, то еще в меньшей степени он в состоянии обеспечить свободу в сфере потребления. Уже из того, что социализм организует производство, не руководясь проявлением воли потребителей на рынке, вытекает его тенденция к авторитарному распределению хозяйственных благ. Правда, значительная часть марксистов противоставляет себя, как социалистов в специальном смысле, сторонникам авторитарного распределения хозяйственных благ, как коммунистам. Однако, можно показать, что между социализмом и коммунизмом, в рассматриваемом смысле, имеется глубокая внутренняя связь. Маркс и Энгельс не даром назвали свой знаменитый манифест коммунистическим, и действенная русская социал-демократическая партия не даром к моменту социального переворота переименовалась в коммунистическую.

Марксисты, не приемлющие коммунизма, представляют себе, что социалистическое государство будет платить своим гражданам за труд бонами, в обмен на которые они могли-бы себе свободно выбирать хозяйственные блага. Однако, раз цены устанавливаются независимо от рыночных запросов, то между спросом и предложением не может быть равновесия. На одни хозяйственные блага цены будут слишком низки, и спрос на них превысит предложение, а на другие хозяйственные блага цены будут слишком высоки, и спрос на них отстанет от предложения. Очевидно, что было-бы нелепо первые предоставить тем, кто их случайно раньше захватит, а вторые оставить гнить на складах. И те и другие остается авторитарно распределить.

Могут сказать, что такое несоответствие между спросом и предложением будет только кратковременным, что в последующих производственных циклах производство приспособится к спросу. Однако, в капиталистическом обществе, в котором такое приспособление составляет жгучий интерес предпринимателей, равновесие спроса и предложения достигается только путем постоянного и подчас значительного колебания цен. Как-же можно надеяться, что гораздо более тяжеловесное социалистическое хозяйство сумеет устанавливать равновесие спроса и предложения при неизменных ценах. Авторитарное распределение хозяйственных благ является, таким образом, необходимой чертой социализма, как системы, отрицающей рыночное регулирование цен. В Советской России имелась еще и другая добавочная причина, вынуждавшая скрупулезное распределение хозяйственных благ, — это крайнее истощение страны, в которой средства существования имелись в обрез. Но при сохранении социалистического строя, этот порядок распределения пришлось бы сохранить и в том случае, если-бы стране удалось

выйти из состояния крайнего истощения; только пайки стали-бы тогда не столь скудными.

Авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает право на свободное удовлетворение потребностей. Авторитарное распределение хозяйственных благ — это значит, что я обязан есть то, пусть прекрасно изготовленное, блюдо, которое мне предлагает наша коммунальная столовая, — это значит, что я не вправе выбрать ту мебель, которая мне по душе, — это значит, что молодая барышня обязана одеть не ту шляпку, которая ей к лицу.

Но авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает свободное удовлетворение не только наших материальных потребностей, но и наших высших духовных потребностей, ибо и они нуждаются в материальном субстрате. И здесь необходимо подчеркнуть, что тот социализм, который себя от коммунизма отгораживает, будь он даже осуществим, в лучшем случае мог бы обеспечить свободное удовлетворение элементарных потребностей, но никак не высших. Если все печатное дело находится в руках государства, то довольно трудно себе представить, чтобы оно стало печатать, интересующие гражданина, произведения метафизической философии, когда оно их в лучшем случае считает бесполезными, или чтобы оно стало строить церкви, когда государственная власть относится к религии отрицательно.

Авторитарное распределение хозяйственных благ точно также, как и бюрократизация хозяйственной жизни, не только ограничивает до крайности свободу граждан, оно понижает также производительность народного хозяйства. Если мы известное количество хозяйственных благ распределим авторитарно среди определенной группы людей, то их потребности будут хуже удовлетворены, чем в том случае, если-бы им предоставили возможность свободно распределить эти блага между собою, сообразно своим дифференцированным потребностям. Хозяйственные блага являются таковыми, в конце-концов, не сами по себе и даже не в меру того, сколько на них затрачено труда, как полагают марксисты, а единственно постольку, поскольку они удовлетворяют наличным потребностям людей. Раз данная организация распределения плохо обеспечивает удовлетворение этих потребностей, то это равнозначительно понижению производительности народного хозяйства.

К этому остается добавить, что наш русский опыт с достаточно ясностью доказал, что авторитарное распределение хозяйственных благ это самая громоздкая, самая дорогая система распределения, какую себе только можно представить.

Если русские социалисты-большевики в момент социальной революции правильно уловили связь между социализмом и коммунизмом, в указанном смысле слова, то внутренняя связь социализма с принудительной организацией труда осталась для них неясной до конца. Необходимость прибегнуть к принудительной организации труда возникла для господствующей партии совершенно неожиданно в процессе строительства социализма, и она склонна была считать эту организацию временной мерой, связанной с военными условиями. Только один из наиболее решительных и последовательных вождей русского комму-

низма интуитивно уловил указанную связь и принял ее. А между тем не трудно видеть, что связь социализма и коммунизма с принудительной организацией труда необходимая, а не случайная.

В свободном меновом хозяйстве при недостаче товара цена на него повышается, а при избытке—понижается. Движение товарных цен находит себе отражение в уровне заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, и это вызывает передвижение труда из одних отраслей в другие в соответствии с общественными потребностями. Но в социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу. Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но, так как такое распределение все-же необходимо, то остается его установить принудительно. Труд-армии являются, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма.

Надо-ли в XX-ом столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?

Вопрос о политической свободе выводит нас за пределы нашего исследования, но он после сказанного и без того ясен. Научный социализм утверждает, и по нашему мнению с полным основанием, что публично-правые институты не могут висеть в безвоздушном пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкурренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего, с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и гражданина. За отсутствием экономических предпосылок индивидуальной свободы в социалистическом обществе в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной последовательностью ее отрицают, как институт буржуазного общества.

Правда, социализм в утешение утверждает, что и в пределах капиталистического общества под формальной свободой таится фактическое отрицание, насилие экономически сильного над экономически слабым. В социалистической критике капиталистической свободы не все правда, но много правды. Именно, на этом основании современные демократии от буржуазного принципа: „laissez faire, laissez passer“, отреклись; в свободный меновой строй введено много коррективов, усиливающих позицию экономически слабых, и еще много коррективов предстоит ввести. Но, конечно, дело личной свободы не выиграет от того, если она будет отменена и с формальной стороны, и по существу[1].

---

[1]) Несовместимость социалистического строя с индивидуальной свободой была очевидна для всех, кто пытался серьезно вдуматься в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу пришли не

47

Нам остается рассмотреть, в чем же заключается смысл слов Энгельса и Маркса о социализме, как „царство свободы“. Ведь это не случайно оброненная фраза, это одна из основ их учения об обществе будущего.

Смысл слов Энгельса и Маркса таков. Процесс развития капиталистического общества стихийный. Каждый член общества участвует в формировании отношений капиталистического хозяйства, и тем не менее они выступают и перед обществом, и перед личностью, как нечто объективно данное, назависимое и от воли личности, и от воли общества. Каждый фабрикант в периоды промышленного оживления участвует в подготовке промышленного кризиса, который в свое время больно ударит его самого, и тем не менее он ничего не может изменить в своем поведении, и капиталистическое общество в целом не в состоянии предупредить грядущего промышленного кризиса. Постольку капиталистическое хозяйство есть царство необходимости.

В социализме общество берет свою судьбу в свои руки. Оно организует свое хозяйство по единому рациональному плану; в нем действуют не стихийные силы, а воля общества. В нем нет неожиданностей, ибо процесс хозяйственного развития регулируется волей общества. Постольку социализм есть царство свободы.

К сожалению, Маркс и Энгельс не занимались более углубленным исследованием того строя, к революционному осуществлению кого они призывали. Таким образом, и идея „царства свободы“ осталась ими не разработанной. Попытаемся ее проанализировать.

Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободной личности. Наоборот, эта личность лишается всякой свободы во имя того, чтобы общество за то свободно располагало своей судьбой. Но через какой-же орган общество осуществляет свое свободное самоопределение? Очевидно, через государство. Мысль Маркса о безгосударственном бытии социалистического общества должна быть решительно отброшена. Именно, в социализме государство является во всемогуществе и политической, и экономической власти. Не прежнее монархическое государство Запада, не современное демократическое государство, а социалистическое есть тот Левиафан Гоббса, который без остатка поглощает личность.

Но если социалистическое государство настолько всемогуще, то проблема организации власти, которой научный социализм совсем почти не занимался, имеет первенствующее значение для социализма. В настоящее время коммунизм полагает, что он, в согласии с неко-

---

только известные противники социализма, Герберт Спенсер и Евгений Рихтер, но к такому-же выводу, к огорчению и себя, и своих читателей, пришел и горячий апологет социализма, пропевший ему свою лебединую песню, М. И. Туган-Барановский. „Централизация социалистического государства“, говорит он, „предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности. „Социализм, как положительное учение“ стр. 83. Конечно, апологет социализма выражается мягко.

торыми идеями французского синдикализма, нашел новые принципы организации власти, которые дадут возможность правильнее выявлять народную волю, чем она выявляется в западных демократиях. Пишущий эти строки не специалист в государственном праве и не решается высказывать поэтому вопросу каких-либо суждений. Но одно ему известно: вожди революций от 1789 по 1848 относились к задаче создания государственной власти, точно отображающей народную волю, с величайшим пафосом, которого коммунисты в проблему организации власти не вкладывают. От этой власти ведь они ждали тех „miracles de la république", о которых любил говорить Робеспьер. И в процессе творчества этой власти оказалось, что проблема выявления народной воли оказывается гораздо сложнее, чем ее себе сначала представляли. На этом поприще человечество уже перенесло много разочарований. Давно-ли социалист Фердинанд Лассаль возлагал самые пылкие надежды на всеобщее избирательное право? А теперь государственное устройство, основанное на этом принципе, подвергается со стороны коммунистов самым жестоким нападкам; власть основанная на всеобщем избирательном праве, по их мнению, оказывается не властью народной, а властью финансового капитала.

Лишив личность всех ее прав, и отдав ее в полное распоряжение государства, питают-ли социалисты, с своей стороны, уверенность, полную уверенность в том, что проблема народной власти ими решена? Ведь они поставили ставку гораздо более серьезную, чем современная демократия. Последняя, организуя по своему государственную власть, не приносила ей в жертву личности, наоборот, она стремилась возможно вернее обеспечить ее права. Будем помнить, что история знает много разбитых иллюзий, и настоящий проект организации коммунистической власти через испытания истории еще не прошел.

Уверенность коммунистов основывается, впрочем, не на механизме конструкции власти, а на характере социальной среды, на которой она строится. Раз классы уничтожены, то нет опасности, что привилигированное меньшинство захватит власть над большинством. Наоборот, если классовое расчленение общества налицо, то никакой механизм вплоть до всеобщего тайного голосования не предупредит вырождения демократии в олигархию.

Но существует ли у коммунистов уверенность в том, что в социалистическом обществе, в верхах коего экономическая власть над производительными силами народа достигает максимальной концентрации, существует ли у них уверенность, что в таком обществе возникновение классовых противоречий невозможно. История ведь знает столько случаев, когда в среде экономически не дифференцированного общества, возникшего на развалинах прежней иерархии, эта дифференциация все-таки наступала. И если олигархия завладеет подобной всемогущей властью, то какова же будет судьба социалистического общества? И эта ставка ставится во имя осуществления единого плана социалистического хозяйства, принципы коего, как мы показали, в сущности, не известны.

Но мы чувствуем, что мы подошли со своей аргументацией к

49

глухой стене. Есть два миросозерцания, между которыми не может быть никакого соглашения, никакого компромисса. Согласно одному из них человечество стремится к конечному блаженному состоянию, строение этого блаженного состояния известно, и соответствующий механизм остается только осуществить идеалистическим подвигом. В новом обществе, в котором идеал уже осуществлен, свобода личности не нужна, ибо ей нечего творить в совершенном обществе. Зачем нужна свободная личность блаж. Августину в его „civitas Dei“, и зачем она нужна Карлу Марксу в его социалистическом обществе?

Но есть и другое миросозерцание. Нет никакого конечно блаженного состояния. Механизм осуществления рая на земле неизвестен. Надо в каждую эпоху решать конкретно те задачи, которые ставит жизнь. Человечеству можно указать лишь самые общие директивы для его устремлений, и ему можно заранее сказать, что каждое его достижение будет сопровождаться возникновением новых противоречий, постановкой новых задач.

Счастье человечества заключается именно в вековечном устремлении. Источником вековечного движения вперед человечества является творческая человеческая личность. И великим преимуществом современной европейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это познала. Идея свободы человеческой личности родилась еще в бурях Реформации, когда Лютер перед синклитом могущественнейших светских и церковных владык произнес свои великие слова: „So denke ich, und anders kann ich nicht“. Для тех, кто стоит на почве такого миросозерцания, принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность, это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопию земного рая, ибо в нем святой талисман европейской цивилизации.

Интеллигенция в истории Европы естественно являлась первым борцом за свободную человеческую личность, за нее она выходила на костры, принимала муки и гибла в тюрьмах. Если вдуматься в те психологические силы, которые толкали и русскую интеллигенцию, едва-ли не в большей своей части дворянского или буржуазного происхождения, на штурм самодержавия, то мы найдем, что и здесь в основе ее революционных порывов была, не всегда осознанная, тоска по личной свободе, негодование против рабства. В погоне за свободой она опиралась то на те, то на другие социальные слои, силы которых определяли ее поражения и ее победы. Та часть интеллигенции, которая в пылу борьбы во имя интересов определенного класса отказывается от принципа свободной личности, изменяет своему назначению. Пусть решит история, даст-ли она этой жертвой народу счастье.

Мы далеко отошли от нашей основной экономической темы. Таков уж вопрос об экономической свободе,—он неразрывно связан с общим вопросом о свободе человеческой личности.

Бухарин это знал, но струсил

VIII. Субъективные моменты в социалистическом хозяйстве.

Многие социалисты утверждают, что при оценке социалистического хозяйства необходимо считаться с чрезвычайно повышенной производительностью труда его рабочих, являющейся следствием устранения антагонизма между ними и предпринимателями. Сам Маркс предусматривал влияние нового строя на психологию рабочих, хотя не представлял себе этого влияния моментальным. Но в будущем он предвидел, что гражданин социалистического общества станет настолько социальным существом, что откажется от требования того, чтобы его вознаграждение соответствовало его труду, он примет истинно коммунистический принцип: „каждый (работает) по способностям, каждый (получает) по потребностям". С этой социальной психологией Маркс связывал и идею безгосударственного бытия общества.

Однако, нет никаких оснований полагать, чтобы социальный переворот сам по себе мог благоприятно повлиять на интенсивность труда рабочего. Предшествующая социальному перевороту, обостренная классовая борьба может иметь свои положительные психологические влияния на рабочий класс, вызывая чувства классовой солидарности и даже самопожертвования, но она не может усилить внимания и любви рабочего к его производственной деятельности. Если социальный переворот устраняет в производстве антагонизм между предпринимателем и рабочим, то с переходом производства в руки общества еще не достигается отождествления в сознании рабочего его интересов с интересами общества. „Рабочий на государственной фабрике. говорит М. И. Туган-Барановский [1]), „не имеет никаких мотивов развивать более, чем среднюю энергию труда и давать более среднего количества трудового продукта". Социальная революция, сметая прежнюю иерархию, не может не расстроить прежней трудовой дисциплины. Социалистическому государству приходится затрачивать не мало усилий на то, чтобы эту дисциплину восстановить, и для этого ему, в общем, придется вернуться к той же иерархической организации крупного производства. Попытка навязать рабочему классу немедленно после революции коммунистический принцип: „каждый по способностям, каждому по потребностям", может лишь самым пагубным образом повлиять на производительность труда; наша республика имеет в этом отношении достаточно горький опыт, и сейчас она всячески стремится к тому, чтобы установить самое строгое соответствие между вознаграждением за труд и его интенсивностью.

Но не только немедленно после социального переворота нельзя ожидать коренных перемен в психологии трудящихся, но и принципиально в процессе экономического строительства необходимо исходить из того, что человек в своей экономической деятельности руководится эгоистическими мотивами. Наша республика не мало потерпела

[1]) Социализм, как положительное учение, стр. 88.

от того, что она хотела этот принцип игнорировать. Поддерживая силу этого основного принципа классической политической экономии и в пределах социалистического общества, мы совсем не отрицаем значения альтруистических чувств в социальной жизни. Но бескорыстие и даже самопожертвование люди проявляют в высшей творческой работе, в борьбе за ценности, которые они признают нетленными (хотя бы другие со стороны и считали их фикциями), и, наконец, в своей интимной жизни. Но ошибочно ожидать от людей, чтобы они бескорыстно изо дня в день пекли хлеб, тачали сапоги и шили платье и даже не для ближних, а для дальних, которых они, может быть, не знают и не видят. Русский пролетариат проявил исключительный запас героизма в борьбе за свой общественный идеал, но за станком он работал с напряжением, соответствовавшим получаемому вознаграждению. И герои человеческого духа не иначе регулировали свою экономическую деятельность. Спиноза писал свои трактаты из глубокой душевной потребности, он написал бы их и в том случае, если бы ему грозила за это тюрьма, но стекла он, конечно, гранил за вознаграждение. И я не задену ничьего религиозного чувства, если скажу, что создатель религии любви за свою проповедь принял крестную смерть, но, если он раньше был плотником, то плотничьи работы он исполнял за вознаграждение,—это так, если в нем было человеческое естество. Только отрицая основные законы человеческой природы, можно строить экономическую жизнь, не исходя из указанного положения политической экономии. Прогресс культуры выражается в том, что рабочий относится со всей добросовестностью к взятым на себя обязательствам. Это достижимо и в пределах капиталистического общества, и достижимо, конечно, и в пределах социалистического общества.

После того, как экспансивные надежды на то, что социалистическая организация производства вызовет громадный подъем производительности народного хозяйства, не только не оправдались, но выяснилось обратное, многие и правые, и левые социалисты, с довольно легким сердцем, готовы ответственность за неудачу сложить на рабочий класс,—не то он оказался неподготовленным, не то его захлестывает окружающая мелко-буржуазная стихия, на которую в социалистической литературе обязательно все собаки вешаются. Однако, мы позволяем себе усомниться в том, чтобы неудачи нашего социалистического строительства можно было поставить в счет психологии рабочего класса. Конечно, после социального переворота никаких чудес не случилось, но вольно было их ожидать. Если же производительность труда рабочего класса упала до минимума, то это соответствовало неблагоприятным объективным условиям—полной дезорганизации народного хозяйства и в частности, тяжелым продовольственным условиям. Но принципиально нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий будет трудиться за станком социалистического государства не менее усердно, чем за станком капиталиста.

Но если строительству социалистического хозяйства грозит опасность в субъективных моментах, то она лежит не в психологии рабочего класса, а в психологии организаторов производства.

Характерной чертой научного социализма является односторонний взгляд на процесс производства, как на процесс механического труда. Громадной роли торговца в капиталистическом обществе марксизм совершенно не признает, для марксизма он паразит. Не признает он значения и экономического организатора производства, для него он специалист по откачиванию прибавочной ценности. И даже роли технического организатора производства марксизм не дооценивает.

В соответствии с таким взглядом на процесс производства участь экономических и даже технических организаторов его была после русской социальной революции весьма печальна. Технических руководителей предполагалось заменить коллегиями сознательных рабочих, а прежних экономических организаторов—интеллигентами, более или менее знакомыми с „Капиталом" Маркса. Только на горьком опыте власть убедилась, что дело не так просто. Изгнанные было экономические и технические организаторы были реабилитированы, объявлены спецами и возвращены на свои места.

Тем не менее, мы не можем ждать ни от старых, ни от новых спецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит, главным образом, от его организации не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда, отыскание надлежащих источников сырья и подходящих рынков сбыта,—и без этих предпосылок не поможет самый усердный и умелый труд рабочих. Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он первый выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется,—он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение не имеет значения для стимуляции его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удачи. А отсутствие ценностного учета почти изъемлет его из контроля. Он добросовестно отбыл свои 6 или 8 часов в конторе, и считает свой долг исполненным. А ведь для экономического творчества нужна не формальная исполнительность.

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами в психологии руководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля,—и сгноили; привозили дрова,—их разворовали. Можно быть уверенным, что, если предприниматель в пределах капиталистического общества возьмется поставить картофель или дрова, то картофель у него не сгниет, и дров у него не разворуют. Не так-то легко он позволит у себя урвать ту прибыль, из-за которой он хлопочет, и зубами он будет отбивать покушение на свой

капитал. На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторга объяснил, что мы пролетарии не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием. Капиталистический строй этого пролетарского добродушия не знает: купец, который позволяет себя надуть, не долго проторгует, и нет для него извинения.

Не только для организации производства у советского служащего не хватает энергии и активности, даже для такой, казалось бы более простой, задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же несостоятельной. И здесь нужен, и очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовываются материалы.

Нет, если для строительства социализма имеются трудности субъективного порядка, то они лежат никак не в психологии рабочего класса, они лежат в психологии его экономических организаторов. Стимулы, которые им может дать эгалитарное социалистическое общество, не соответствуют ответственности лежащих на них задач. А между тем при громадной концентрации всех экономических функций в руках государства, ответственность экономических организаторов в социалистическом обществе воистину колоссальна, она больше, чем в капиталистическом обществе.

IX. Социализм и сельское хозяйство.

Мы до сих пор исходили из того предположения, что еще до наступления социального переворота, в процессе естественного развития капитализма, произойдет объединение всего производства в очень крупные предприятия, которые и будут национализированы. В обрабатывающей промышленности, действительно, проявляется сильная тенденция к концентрации производства, и относительное значение мелкого производства падает. Тем не менее, абсолютное значение мелкой промышленности повсюду еще весьма значительно, а национализация мелких предприятий, как показывает наш опыт, ведет к их гибели—к немалому ущербу для народного хозяйства.

Если, таким образом, и в промышленности процесс национализации производства встречает затруднения, то в сельском хозяйстве он сталкивается с непреодолимыми трудностями. Ничего подобного быстрому процессу концентрации промышленного производства в сфере сельского хозяйства не наблюдается. Существует только одна страна, Англия, в которой сельское хозяйство организовано капиталистически; и этот результат получился, как продукт эволюции аграрных отношений в минувшую эпоху, в условиях коренным образом отличных от современных. Но и в Англии все-же имеется около ½ миллиона хозяйств, и там хозяйство в 100 дес. считается очень значительным, и никаких тенденций к дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства там

не замечается. На континенте Европы, и, в частности, в России, почти повсюду первенствующее значение имеет мелкое производство, основанное преимущественно на использовании труда крестьянина и его семьи. Даже в Соединенных Штатах, где промышленный капитализм достиг такого колоссального развития, даже в этой стране трестов и миллиардеров господствует мелкая форма сельскохозяйственного производства, в которой наемный труд играет лишь второстепенную роль. Правда, площади американских ферм больше площадей крестьянских хозяйств Европы, но это объясняется экстенсивным характером американского сельского хозяйства.

Экономисты спорят о степени дифференциации крестьянства, о том, происходит-ли нивеллировка его или дальнейшая дифференциация. Спор этот представляет большой интерес для выяснения вопроса о том, имеет-ли социальная революция почву в деревне. Марксисты доказывают, что на сторону социальной революции можно привлечь не только сельскохозяйственных рабочих, которые слишком малочисленны и рассеяны, а также и беднейшие слои крестьянства. Действительно, в русской социальной революции массы крестьянства играли самую активную роль, хотя мы думаем, что это не результат его сильной дифференциации, а общинного уклада его жизни, и мы думаем, что в деревне собственников идея социальной революции будет иметь под собой гораздо менее благодарную почву.

Но для нас сейчас важнейшее значение имеет вопрос о результатах социальной революции. А в этом отношении не может быть двух мнений. Обаяние собственного хозяйства у беднейшего крестьянства, а отчасти и у сельскохозяйственных рабочих, настолько велико, что целью этого крестьянства может быть только расширение своего хозяйства за счет крупного. Таким образом, результатом социальной революции в деревне может быть только разрушение капиталистического сельского хозяйства и полное распыление производства.

Что же может сделать социалистическое государство с этими миллионами мельчайших хозяйств? Как оно может эту мелко-буржуазную стихию уложить в рамки планового хозяйства? Подтолкнуть их возможно скорее слиться в крупные коллективные хозяйства? Если-бы этот процесс имел шансы на успех, то он во всяком случае потребовал-бы громадного промежутка времени. Но на чем основаны в данном случае надежды на успех? Ведь при всем громадном развитии сельскохозяйственной кооперации она нигде на свете еще не привела к возникновению коллективных хозяйств.

Полная производительная кооперация не может похвастать успехами в сфере промышленности, хотя усилий в этом направлении сделано достаточно. Можно даже с известным основанием утверждать, что идея государственного социализма родилась в связи с неудачами производительной кооперации. Потому-ли производительная кооперация в сельском хозяйстве должна иметь особенный успех, что самые выгоды крупного производства в сельском хозяйстве сомнительны? или потому, что кооперирование сельскохозяйственного производства требует кооперирования и домашнего хозяйства, что, в свою очередь, связано с свое-

образными трудностями? Наши опыты искусственного создавания колхозов, конечно, не могли дать ничего положительного.

Остается для вовлечения крестьян в плановое хозяйство рассматривать их, как батраков, сидящими на государственной земле, обязанными вести хозяйство под диктовку власти и обязанными сдавать весь продукт государству. Но это значит оставить мелкое хозяйство при всех его слабых чертах и лишить его единственного преимущества, — личной заинтересованности трудящегося в результатах его труда.

Мы не убедились в том, что социалистическое государство в состоянии организовать промышленность, но овладеть ею оно может, это предсказывал Маркс, и это подтвердила наша революция. Совершенно иначе обстоит с сельским хозяйством. Социальная революция в деревне не содержит в себе ни крупицы социализма, она не только не приближает сельского хозяйства к социалистическому идеалу, наоборот, она отбрасывает его от него неизмеримо далеко.

А между тем, если примириться с этой „мелко-буржуазной стихией", если удовлетворить ее органическому требованию свободного обмена, то, в особенности в аграрной стране, этим вся система социалистического хозяйства,—система планового распределения хозяйственных благ в государственном масштабе,— взрывается.

X. Заключение.

Мы стоим перед удивительным зрелищем: социалисты, убежденные социалисты, у которых слово не расходится с делом, которые ни пред чем не останавливались для торжества своей идеи, собственными руками уничтожают плоды своего творчества и, заменяя строй гармонический, чуждый эксплоатации, строем анархическим, построенным на эксплоатации, ждут, именно, от последнего увеличения ресурсов республики и улучшения экономического положения трудящихся. Мы видим, как социалисты усиленно приглашают в страну иностранный капитал, чтобы он собирал у нас ту прибавочную ценность, уничтожение которой они считают своим призванием.

Как объяснить это странное явление?

Правое крыло социализма на это отвечает: „Тут нет ничего удивительного. Этот печальный результат мы предвидели. Маркс говорил, что социальная революция может иметь успех только тогда, когда все предпосылки для социалистического строя готовы, а в России, в стране крестьянского хозяйства, этих предпосылок не было".

Такая точка зрения может быть оправдана буквой учения Маркса, может быть подкреплена кое-какими цитатами из него, но едва-ли она соответствует его общему духу.

Промышленный капитализм получил в России умеренное развитие, он не привлек к себе на службу значительной части населения страны. Но, поскольку русская промышленность существовала, она, в смысле учения Маркса, созрела для социальной революции. Благодаря тому

что русская промышленность не развилась столь органически, как промышленность на Западе, благодаря тому, что она насаждена в течение последних двух столетий правительством, дворянством, иностранным капиталом, она представляла собой картину поразительной концентрации и в ширь, и в глубь, в смысле комбинирования последовательных стадий переработки продукта с различными подсобными производствами. Русские заводы: Путиловский, Обуховский, Брянский, Мальцевский, русские мануфактуры, являются колоссами не только на русский масштаб, но и на международный. И трестирование и синдицирование русской промышленности зашло накануне революции довольно далеко. Русские столицы представляли собою громадные центры скопления промышленного пролетариата, организованного в недрах предприятий-колоссов. Отсутствие демократического режима, невозможность легальной защиты своих экономических интересов, поддерживали боевое настроение пролетариата и подготовляли социальный взрыв. Концентрации промышленности соответствовала концентрация богатств в тонком слое крупной буржуазии. По той-же причине, вследствие не органического характера развития русской промышленности, в России не имелись те широкие кадры мелкой городской буржуазии, которые в европейском городе стоят между пролетариатом и крупной буржуазией, смягчая их столкновения. Противоположность между роскошью верхов и бедностью низов была в русском городе разительнее, чем где бы то ни было. Итак, русский город вполне созрел для предусмотренного научным социализмом „Zusammenbruch"'a.

Правые социалисты нам, конечно, возразят, что, если относительно русского города можно спорить о том, созрел-ли он, или нет для предусмотренного Марксом социального переворота, то социально-экономический облик русской деревни к схеме Маркса уже во всяком случае не подходит. А Россия страна аграрная, и, следовательно, если русская деревня не созрела для социальной революции, то, значит, не созрела и вся страна. Но, если зрелость России для социализма определять с точки зрения ее деревни, то позволительно спросить правых социалистов: когда-же при таком буквальном толковании учения Маркса такая аграрная страна, как Россия, созреет для социализма? Ведь пределы индустриализма ограничены,—даже для двух менее многолюдных стран, чем Россия, для Англии и Германии, мир оказался тесен. Русской промышленности придется и в будущем расчитывать почти исключительно на собственный внутренний рынок, и владея $^{1}/_{6}$-ой частью земного шара, Россия останется страной аграрной. А между тем никаких заметных признаков концентрации сельскохозяйственного производства в России не было заметно. Если держаться буквы учения Маркса, то придется признать, что ни Россия, ни какая-бы то ни было аграрная страна для социальной революции в обозримом будущем не созреют, и, следовательно, схема научного социализма к аграрным странам, вообще, не относится. Общезначимость схемы Маркса этим отрицается.

Да и самая политическая позиция правых социалистов вызывает глубокое недоумение. Если правые социалисты признают страну незре-

лой для социальной революции и совершенно не в состоянии предусмотреть, когда она даже в отдаленном будущем для нее созреет, то какой-же смысл имеет их социалистическая пропаганда в массах? Нельзя-же в самых черных красках рисовать правовое демократическое государство, объявлять его ведущим к обнищанию трудящихся, нельзя же в самых розовых красках разрисовывать социалистический строй, чтобы заканчивать свою проповедь предложением трудящимся сидеть смирно и „годить", когда общество созреет для социализма. А когда разагитированные народные массы откажутся пассивно ждать этого лучшего будущего, то нельзя, умывая руки, заявлять, что мы, мол, тут не при чем, мы предлагали „годить". Конечно, и Маркс не благословлял каждого мятежа рабочих, но вся его пропаганда освещена твердой верой в близкое торжество социализма, и никакими случайными цитатами из трудов Маркса нельзя замаскировать этого действенного, глубоко-революционного характера его учений.

Если же правые социалисты считают себя призванными бороться за конкретные интересы рабочего класса, то для этой цели нет нужды ослеплять их социалистическим идеалом. О том, что ждет нас в далеком будущем, можно писать в ученых книгах, но об этом пусть не говорят на площадях. В политике „довлеет дневи злоба его". Ведь английские „трэд-юнионы" в истории английского рабочего класса кое-что значат, а они даже не ходят под красным флагом.

С духом революционного марксизма, по нашему мнению, согласны не правые, а левые социалисты. Только у них слово с делом не расходится. Если социализм есть великое благо, то о нем следует не мечтать, его следует строить. Творческие силы нового строя проявятся и преобразят мир, даже если действительность и не во всех частях подходит под предусмотренную схему. Даже величайший гений не может предусмотреть всего многообразия эволюции человечества. Самая возможность социальной революции, наличие у пролетариата силы для ее осуществления, согласно учению Маркса, свидетельствует о том, что „время пришло", ибо политическая сила класса строится на экономических предпосылках. Так, и только так, по нашему мнению, могут думать истинные последователи учения Маркса. И не даром виднейший представитель научного марксизма на Западе, Меринг, благословил русскую революцию.

Но, в таком случае, почему же русская революция, начавшись в городе, сумела увлечь в свой круговорот деревню, одержала блестящие победы в борьбе с контр-революцией и во внешней политике и, в конце-концов, оказалась столь несчастливой на фронте экономического строительства?

Оффициальное объяснение таково: крепость капитализма взята слишком стремительным штурмом.

Может быть, под крепостью следует разуметь мировой капитализм, который пока что еще стоит? Однако, вопреки обычному представлению, мы не усматриваем того, чтобы необходимой предпосылкой удачного строительства социализма в России была всемирная социальная революция. Если бы речь шла о такой чисто индустриальной

(58)

стране, как Англия, то действительно трудно было бы себе представить там социальную революцию без того, чтобы подобная революция не произошла, если не во всем культурном мире, то, по крайней мере, в английских колониях. Существование Англии без внешней торговли немыслимо, а она, конечно, будет совершенно дезорганизована раз в торгующих странах правовые нормы оказываются диаметрально противоположными. С прекращением же своей внешней торговли, Англия в первый же год после социальной революции вымерла бы с голоду. Таким образом, вопреки господствующему мнению, опыт строительства социализма должен быть предпринят в первую очередь не в странах одностороннего высокого развития индустриализма, а в странах более или менее самодовлеющего хозяйства. К числу их относятся прежде всего Соединенные Штаты, а затем и Россия.

Действительно, разве наше народное хозяйство настолько зависимо от Европы, чтобы блокада сама по себе могла нас повергнуть в пучину бедствий, если бы только мы умели наладить свое хозяйство. Продовольствия у нас всегда было в изобилии. Из прядильных материалов мы одни (лен, пеньку) вывозили в громадных количествах, а недостачу в других (хлопке, шерсти) могли бы легко пополнить расширением собственного производства. Лес у нас имеется в громадном избытке, нефть тоже, и мы можем этими видами топлива и торфом покрыть недостаток в каменном угле. Руды у нас имеются. Рельсы наши заводы прокатывали, паровозы—строили. Если же некоторые сложные машины у нас не производились, то, если социализм, действительно, способен поднять производство на высшую ступень, эти небольшие дефекты удалось бы собственными средствами пополнить. Когда у нас говорят, что Россия голодает вследствие блокады, то вспоминаются иронические замечания англичан: Нью-Кэстль (главный город экспорта английского угля) замерз от того, что блокада отрезала ему подвоз угля. Именно, в России, в стране, почти самодовлеющей, опыт строительства социализма должен был иметь шансы на успех.

Но мы знаем, что действительность этих чаяний, правильно основанных на марксистской доктрине, совершенно не оправдала. Нельзя указать ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы процвела. И полная очевидность результата вынудила убежденных коммунистов ждать улучшения от частичного возврата к свободному обмену и капитализму.

Итак, объяснения, которые нам дают и правые, и левые социалисты, причин неудачи социалистического строительства представляются нам одинаково несостоятельными. Все наше предшествующее изложение, смеем мы думать, дало нам истинное объяснение этой неудачи.

Мы не беремся судить об ауспициях всемирной революции на Западе. Жестокий экономический кризис, в который ввергнута Европа в результате мировой войны, еще не изжит, и это положение грозит социальными катаклизмами. Но мы не имеем никаких оснований усматривать в социальной революции средство для преодоления этого кризиса, и русская революция нас в этом не убедила. Подобные со-

мнения зарождаются и в умах весьма авторитетных ученых социалистов. „Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану“... „У нас сейчас нет готовых утопий, которые можно воплотить всенародным решением“... Так осторожно теперь выражается Карл Каутский, который во всей предшествующей научной и политической деятельности утверждал как раз обратное.

В одном, однако, мы можем вполне согласиться с современным коммунизмом: если мы не признаем социальной революции средством для преодоления экономического кризиса, то мы не усматриваем его и в Версальском мире. И если флагом современного коммунизма станет борьба против аггрессивного империализма, то он найдет опору не только в классе промышленных рабочих, который пока не оказался в этом вопросе особенно стойким, но и в других классах современного общества. Для того, чтобы быть противником современного аггрессивного империализма, социалистическая идеология нам не представляется необходимой.
